

Горенкова Эльвира

Карта Жизни

Nova Totius
TERRARUM
ORBIS
TABULA
ex officina G. a Schagen
Amstelredami

12+

Эльвира Горенкова

Карта жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38836018

SelfPub; 2018

Аннотация

В поисках загадочного артефакта мальчик из знатной семьи и сирота-подмастерье вынуждены совершить невозможное и шагнуть из мрачного Темнолесья напрямиком в Царство Мертвых, откуда ни один из смертных еще не возвращался...

Содержание

Часть 1. Темнолесье	5
Глава 1	13
Глава 2	36
Глава 3	78
Глава 4	92
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Карта Жизни

Часть 1. Темнолесье

Пролог

16 лет назад

Времена наступали всякие.

Порой, хотелось лишь одного: закрыться в своем холодном, маленьком домишке и никогда, ни за какие драгоценности не видеть больше слабых, глупых и ненормальных зверушек. Все в этом мире, абсолютно все, было сосредоточено вокруг этих существ. Их бесцельное присутствие в мире не было обосновано никакими видимыми, объективными причинами. Волшебство же отторгало людишек, как нечто несущественное, второсортное. Вообще говоря, Матильда понимала: вселенная сошла с ума, если позволяет править чуть ли не всем миром столь бесполезным видам как ЧЕ-ЛО-ВЕ-КИ.

ЧЕ-ЛО-ВЕ-КИ не видели никого, кроме себя. Редкий раз оборачивались назад, фыркали и снова возвращались к своим бесполезным занятиям. Сколько лет прошло с тех пор, как последняя колдунья, провозгласившая себя «Карой Волшебства» пала от рук мерзкого человеческого воина? Сколько лет они вынуждены прятаться в темных лесах, побираться по болотам, заброшенным деревенькам? Чтобы только не угодить в Подземный Мир. Матильда уже не раз задавалась вопросом, а не лучше ли податься в руки мрачного Власти-

теля нежели влачить столь жалкое, безропотное существование?

ЧЕ-ЛО-ВЕ-КИ видели угрозу во всех, кто хоть немного отличался от них. Сначала они истребили леших. Несчастные защитники леса и сопротивляться не могли – не в их это природе. Следом пошли чуть менее беззащитные создания – русалки, сирены, тритоны... Море бушевало, пенилось, сопротивлялось, но и оно оказалось бессильным перед злым роком в лице ЧЕ-ЛО-ВЕ-КА.

Ведьмы оказались многим сильнее лесных и морских обитателей. Чтобы выжить, они часто примеряли на себя маску человека и нередко терялись в серой толпе, способные прожить таким образом всю жизнь. Вот только притворяясь людьми, очень часто теряли самих себя, лишались того, без чего и жить становилось невозможно.

Магия для них – есть кровь, плоть и то, что ЧЕ-ЛО-ВЕ-КИ именуют «душой». Волшебство, словно северный ветер, переливается по венам, рвется наружу и однажды, будьте уверены, вырвется на свет, оставляя за собой лужи пролитой крови. Этого невозможно избежать.

Есть только один способ.

Запереть магию. Закрывать ее навечно. За семью замками, за двадцатью дверями: высечь тайную печать Соломона, задавить сущность, заставить замолчать навсегда. Но, что станет после?

Спросите у людей, продавших душу дьяволу. Они расска-

жут, каково прожить день за днем, когда каждое «сегодня» бледнеет, остается слабой тенью «вчера». И только слабые отголоски света прорываются сквозь темную чашу нынешнего существования... Улыбки застывают на холстах размашистыми бесцветными росчерками умелых художников. А те в свою очередь неизменно удивляются, почему изображенным фигурам на картинах так и суждено остаться тусклым расплывчатым пятном...

Спросите у обманутых сердец. Им уже все равно. Они поют песнь, в которой ноты – уснувшие, давно затонувшие на самое дно корабли. Барабанная дробь дождя и туман, укрывающий улицы расскажет вам об этом не хуже громких песен.

Спросите...

И пожалеете, что узнали.

Потому что магия – это сердце, душа, вода, земля, огонь и ветер... Северный ветер, что приносит с собой счастье, боль, грусть и радость... Это целый мир, без которого жизнь волшебника превращается в пепел.

Матильда шмыгнула носом и посильнее закуталась в шаль. Дул пронизывающий ветер. Сегодня снова будет ЗВОН. А значит, пыль, скука и серость, что приносит с собой старый болван Пинг. Вообще говоря, главу всех ведьм и колдунов звали Мудрый. Но она-то знала, что этот Пинг представляет из себя на самом деле. Маленький, неказистый волшебник с невнятными булькающими звуками и обеспо-

коенной интонацией в хриплом голосе...

Почему именно он?

Матильда часто задавалась этим вопросом. Возможно, Мудрый внушал нечто вроде спокойствия. Глупого, безосновательного, с толикой безрассудства и отчаяния.

ЗВОН проводился раз в три месяца. На дорогу высыпало множество волшебников: мужчин, женщин и даже детей. Все они держались за руки и медленно водили хоровод. Вот только на протяжении всего действия они сохраняли полное молчание. Звуки исходили не от них самих, а проникали в магию, заполняли ее бесконечное пространство. Подобно мирозданию, заполняющему вселенную всевозможными вариантами, проникали в сущность волшебства, мягко обволакивали звуками природы и яркими созвездиями небесных тел. Магия питалась. Магия жила.

Но пока Пинг водил хороводы, *люди* радовались жизни, жили в прекрасных уютных домах, наслаждались спокойным и беззаботным существованием, в котором, по их жалкому мнению, не было места злым ведьмам, колдунам и прочим магическим тварям.

Матильда прикрыла глаза. Ее магия полыхала огненными искорками и в любой момент грозилась вырваться наружу. Сдерживать ее становилось все тяжелее. С каждым днем становилось все холоднее. А магии – напротив, теплее. Виной всему был еще один закон, согласно которому волшебники не имели права пользоваться магией. Только в ЗВОН, да и то

по исключительным поводам. Такого рода «поводы» должны были быть заверены лично подписью Мудрого.

Дышать становилось труднее.

Кукушка на часах известила, что до начала ЗВОНА оставалось еще два часа.

– Ох, Матильда! Что я вижу... – проскрипел голос в углу маленькой комнатки.

Избушка завалилась набок. Кое-где виднелись щели, через которые шустро пробегали мыши.

Женщина нехотя поднялась со старого скрипучего сундука и подошла к матери.

– Что ты там видишь? – со скукой, высеченной тонкой гранитной гранью на бледном лице, поинтересовалась она. – Опять люди?

– ЧЕ-ЛО-ВЕ-КИ! – прошипела матушка. – Они самые!

Густой дым из печки разнес по всей избе неприятный кислый аромат прогнившего кроличьего мяса и еще чего-то пряного, смутно напоминавшего мятные листья.

Дым плотным витиеватым колечком поднимался из глиняного большого горшка и, совершив пируэт, растворялся, так и не коснувшись обветшалой крыши. Белый туман сменялся ярко-красным, синим и желтым. Наконец, жидкость приобрела ровный голубоватый оттенок.

Старушка охнула и чуть не засунула свой длинный нос в кипяток. Матильде пришлось ухватить ее за локоть.

– Мама, что это?

Она с удивлением смотрела на младенца, личико которого искажала вновь появившаяся водная рябь.

– Это тот самый, Матильда! – повернулась к ней старушка. – Он родился! Мы спасены! – она радостно и скрипуче рассмеялась. Смех ее разнесся неестественным карканьем по комнате и разбился о ветхие стены.

Женщина внимательно следила за ребенком. Вот у него отрезают пуповину, поднимают вверх, внимательно осматривают, а затем передают матери, которая с улыбкой принимает своего мальчика.

А мать его оказалась весьма красивой дамочкой.

Аристократические черты лица не портила даже безобразная, растрепанная прическа и изнуренный длительными родами вид. Рыжие волосы неровными прядками спадали на бледное лицо, но глаза... глаза ее осветили бы целый город – яркие и зеленые – они подобно огромным изумрудам блестели сочными красками на лице, подчеркивали контур алых губ и едва обозначенные веснушки.

Это лицо она бы никогда ни с кем не спутала.

– Аллия... – прошептала она пораженно.

Мать радостно закивала.

– Именно! Твоя кузина оказалась не такой уж и никудышной ведьмой! Она исполнила свое предназначение и спасла свой род! Теперь мы можем жить спокойно, ведь когда этот мальчик вырастит, он спасет нас, вытащит из этой темной и мрачной башни! – она, подобно пьяной девке в трак-

тире, пустилась в резвый пляс. – Там-тарам, волшебник и ЧЕ-ЛО-ВЕК! Па-рам! Что вы говорите! Тарам... Какого же чудо! Никогда бы не подумала... – она перекинула лежащий на запыленном стуле платок через плечо и, схватившись за его концы, подняла руки вверх, – ЧЕ-ЛО-ВЕК и ведьма сотворили волшебство!

Матильда неверующе покачала головой.

– Ты уверена? – спросила тихо так, словно боялась, что своим голосом, словами разобьет нечто хрупкое и прекрасное, возникшее только что неровными бледными росчерками.

– Уверена ли я? – старушка резко остановилась и вперилась в нее маленькими выпученными глазками. – А ты уверена в том, что солнце и луна в ночь Полноверия [1] встречаются и говорят друг с другом, словно старые приятельницы, а? Уверена в том, что магия, ускользая, никуда не исчезает, а лишь стонет, словно загнанный зверек перед своим хладнокровным хозяином?

Матильда кивнула. Ровно три раза.

Четвертый, правда, приберегла на всякий случай.

– Говорю тебе, этот мальчик спасет волшебство! Ты же помнишь пророчество?

*– Рожденный из пепла и жизни ребенок
Вернет волшебству идеальную форму,
Поглотит сердца, ослепленные ложью,
Вдохнет в одиночество новую волю:*

Забудется мрак, волшебство возродится,

Грядет новый век, а с ним и свобода

Для нашего старого доброго мира!

– Пепел и жизнь... – губы Матильды исказила ухмылка. –

Оказалось, это так просто...

Магия снаружи зажглась ярким светом.

Начинался ЗВОН.

Примечания:

[1] – ПОЛНОВЕРИЕ – волшебники верят, что в первое полнолуние нового года луна и солнце на миг соединяются друг с другом.

Глава 1

, в которой читатель знакомится с главными героями, а также обычным (ладно, не совсем необычным) городом Серость

И молвил Бог:

"Пожалуй, хватит, сын мой,

Пути мои по правде долги, но каждая дорога

Горит молитвенным огнём... "

Несмотря на раннее утро, центральная площадь была полна разношерстных людей. Кого здесь только не было: богатые покупатели, путешественники, бродяги в поисках хоть какой-нибудь еды или денег. Последним изнеженные господа обычно подавали (точнее сказать, брезгливо бросали) милостыню в виде куска засохшего черствого хлеба, а по праздничным дням и в часы сказочного везения, могли распрощаться даже с несколькими монетами.

Сотни разноцветных, своеобразных и ярких безделушек поблескивали на прилавках и всем своим видом будто кричали: "Подойди! Ну же, бьюсь об заклад, я тебе понравлюсь!" Действительно, здесь можно было найти абсолютно все, начиная с золотого кольца необыкновенной, дух захватывающей красоты, по уверению торговца, когда-то принадлежавшего восточной принцессе с далекого полуострова, и закан-

чивая зелеными скользкими лапками лягушек. Если ценность первого предмета моему читателю ясна, то второй, несомненно, вызывает вопросы. К примеру, что можно делать с лягушачьими лапками? Ну правда, не варить же из них суп, слишком примерзко они выглядят. Жители Серости действительно не рассматривали этот товар в качестве пищи. Они вешали несчастные лапки у двери своего жилища, искренне веря в их чудодейственную силу и считали, что такого рода талисман способен отпугивать тёмных существ, в том числе ведьм, демонов и упырей.

Город Серость располагался крохотным, едва заметным пятнышком на окраине южной части Бриллиантового Королевства. Окруженный почти со всех сторон чащей и непроходимым лесом, Серость буквально отделял жителей от других городов королевства. Путешественники, несомненно, проникали в город, незаметно и несколько странно для живущих городских жителей, однако, исчезали они так же стремительно и внезапно.

Среди жителей Серости ходило немало слухов о Тёмном лесе или, как его еще называли, Темнолесье. Истории эти были окружены невероятным фантазмагорическим ореолом. Например, какое-то время назад, модно было рассказывать страшилки о появляющемся на Высоком Холме белом волке с горящими красными глазами. Видите ли, Эрл Пончик своими собственными глазами видел зверя, а ошибиться он не мог, потому как тут же зарисовал огромную мохнатую морду

зверя. Родители рассказывали своим детям истории о жестоких разбойниках в лесу, хотя под окнами, стоило ночи смелить день, и без того находилось достаточно злодеев, которые были бы не прочь воспользоваться ситуацией и ограбить зажиточные дома.

Ну, так вот... Говоря о лягушках... Вообще-то в каждом богатом доме висело не меньше двух-трех пар лягушачьих лапок на окнах или даже лежали на столе, заботливо расставленные в рядок.

К счастью, эта история совсем не связана с лягушачьими лапками...

«О чем же она?» – спросите вы.

«Ни о чем, а о ком», – отвечаю я.

Сейчас мы с вами перенесемся в один прелюбопытнейший магазинчик со сладостями.

Если вам интересно, это был действительно необычный магазин. Хотя бы потому, что являлся воплощенной мечтой миллиона детей. Даже самый капризный ребёнок, попадая в это царство, готов был сделать все, что угодно дабы получить вкуснейшие сладости с незабываемым вкусом свежего молока и шоколада. Да, и взрослые с удовольствием вкушали разнообразные конфеты, шоколадки, искусно украшенные торты и пирожные...

Здесь мы и остановимся, чтобы познакомиться, наконец, с главными героями этой истории...

– Десять волосков, говоришь? Ты пытаешься обвести

меня вокруг пальца, мальчишка? – зарычал мужчина, буквально запрыгивая на прилавок и хватая мальчика за шиворот его грязной, прохудившейся, когда-то белой, рубашки. – Ты Тумаешшь, я не замЭтил лишнюю карту в твоём рукаве? – у мужчины был ужасный акцент, от него пахло выпивкой и ещё чем-то отвратительно кислым, тухлым. Он продолжал держать мальчика, вцепившись мертвой хваткой ему в воротник, однако, несмотря на ужасную для мальчишки ситуацию ослепительная улыбка не сходила с лица юного торговца.

– Никогда не забывайте платить долги, господин. Вы подписали документ, согласно которому должны десять Волосков в случае, если я выиграю. Подписав его, господин, я гарантирую, что Вы оплатите свой долг в течение трёх дней, – мальчик чуть было не показал ему язык, – Документ заколдованный, господин. Вы заплатите или превратитесь в тень. У Вас есть выбор...

Мальчик не успел закончить, мужчина заорал не своим голосом:

– Я тебя убью! – он подпрыгнул, выпустил торговца, но только для того, чтобы с новыми силами вцепиться в тонкую шею, намереваясь задушить наглеца.

Мальчик нелепо замахал руками.

– Пожалуйста! Пожалуйста, господин, не убивайте меня, господин! Пощадите меня, умоляю!

Рыжеволосый мужчина с редкой козлиной бородкой рас-

смеялся. Наглый мальчишка на деле оказался обычным трусливым ребёнком, ни больше ни меньше. Ему уже рисовалась перспектива по выколачиванию денег у этого мелкого наглеца. Однако, в следующий момент маленький ротик искривила мальчишеская задорная улыбка. Мужчина от удивления даже ослабил хватку.

– Если Вы убьете меня, господин, то также превратитесь в тень. Это один из пунктов нашего договора. Вы внимательно его прочли?

Мужчина тяжело вздохнул, прошипел проклятия и нехотя отпустил его. Он уставился себе под ноги, обдумывая свое незавидное положение.

Что он скажет своей жене, чем они будут питаться после того как он выплатит долг этому зарвавшемуся недоразумению?

– Удачи, господин!

– НенавиШШШу твою подлую улыбкаА, ты маленький...

– Следующий, пожалуйста! – не обращая более внимания на несчастного, радостно произнёс мальчик.

Мужчина, проклиная его на чем свет стоит, развернулся и вышел.

Очередной покупатель предстал перед мальчиком. Выглядел он молодым и даже красивым. У него были аристократические, тонкие черты лица: прямой нос, полные губы, густые ресницы и голубые огромные глаза, которые больше напоминали волнующий океан, нежели светлое небо.

«Богатенький маменькин сынок», – усмехнулся про себя Лука.

– Добро пожаловать в наш магазин, господин! Чем могу Вам помочь?

Парень даже не удостоил его взглядом. Он поправил свою распахнутую сине-фиолетовую шубу, сделанную из меха голубой джинджер.

– Не знаю, сможешь ли ты угодить мне, – его голос звучал чересчур притворно и сладко. Презрительно.

– Мы сделаем все от нас зависящее, господин! – с готовностью произнёс мальчик. Однако, стараться ему совсем не хотелось. Даже самую малость. Этот парень здорово действовал ему на нервы.

– Хм... – произнёс он, поглядывая на многочисленные полки вокруг, – две плитки шоколада, созданные солнечным утром, *les petits bonbons*, хмм... И жевательные резинки. Я предпочитаю с жасмином...

– У нас нет с жасмином, – бодро продекламировал паренек.

Парень нахмурился и наконец удостоил его взглядом. Вспросительным, непонимающим взглядом.

– Что ты имеешь в виду? – он наклонился ближе к мальчику, чтобы рассмотреть его имя, вышитое кривыми буквами на фартуке, – Лука?

– Я имею в виду, что у нас нет в наличии жасминовых жвачек, да никогда и не имелось, – терпеливо повторил он.

Этот молоденькой отпрыск богатеньких родителей начал его раздражать. Как назло, в лавке не было ни одной живой души.

– Возможно, ты меня не знаешь, мальчик, – он даже не заметил насмешливого взгляда, – ну, конечно, откуда тебе знать? Ты же такой грязный и невоспитанный... Кто твои родители? Крестьяне? – парень поморщился.

Вообще говоря, Лука встречал много подобных клиентов. Большинство из них казались довольно забавными экземплярами. Да, богатенькие часто оскорбляли его, унижали, но этот... Этому экземпляру удалось, казалось бы, невозможное: он действительно вывел Луку из себя!

Ему потребовалось собрать немало сил дабы не вышвырнуть самонадеянного щегла вон из лавки.

– Мне даже жаль таких мальчиков как ты, Лука. Поэтому я, пожалуй, не буду жаловаться твоему мастеру на столь отвратительное поведение его подмастерья. Уверен, найдутся добрые люди, которые сделают это за меня, – он издевательски усмехнулся и вышел, оставив после себя в воздухе навязчивый горьковатый аромат дорогого одеколона.

– Скатертью дорога, цыпленок, – выругался Лука и отправился расставлять товары на полках. День лишь только начинался, а настроение было полностью испорчено.

***

Джонас Никон Малкович уже полчаса разглядывал огром-

ную и чистую зеркальную поверхность. Конечно, интересно-валя его вовсе не дорогая алмазная обработка и не витиеватые закругленные края рамки, украшенные огромными изумрудами и сапфирами. Наш герой был не в силах оторваться от самой прекрасной, на его взгляд, картины: отражения самого себя.

– Это зеркало прекрасно! Оно как ничто другое достойно отражать Вас, господин! – увещевал рядом продавец сего товара.

Джонас, наконец, улыбнулся, подмигнул своему великолепному отражению, и нехотя перевел взгляд на лавочника:

– Нет такой поверхности, которая была бы достойна моего отражения, толстяк! И кто разрешил тебе торговать этой дешевкой прямо перед помещьем уважаемой дамы?

– Так хозяйка сама и разрешила, господин... – промямлил торговец.

Но Джонас его уже не слушал. Он нарочито громко зевнул и развернулся так резко, что полы его сине-фиолетовой шубы взметнулись вверх.

Лицо его осветила широкая улыбка. День обещал быть замечательным. Впрочем, как и следующий за ним... Парень верил, что такие как он, богатые, купающиеся в золоте, красивые, словом, идеальные, обречены на вечное везение. Черед белых и черных полос – для отбросов. Например, таких, как этот мальчуган в лавке сладостей, как его... Лео, Луи... нет, у этого сорванца и имя простое... Джонас решил

не забивать свою голову глупыми мыслями и сдунув с лица непослушную прядку, направился в огромный зал, где уже собралось большинство гостей.

Десятки пар глаз обратились к нему, с нескрываемым обожанием рассматривая дорогой вечерний костюм, сшитый на заказ одним из лучших портных Бриллиантового Королевства. Прическу, нарочито взлохмаченную, украшали покрашенные в лазурный цвет кончики волос. Но более всего выделялось в нем нечто другое: эфемерное, едва уловимое и так непохожее на то, что можно описать материальными условностями. Это «нечто» ощущалось в слегка пружинистой, неторопливой походке, растянутых, ленивых телодвижениях, гордой осанке и дерзком взгляде.

Джонаса раздражало творившееся вокруг бессмысленное, хаотичное копошение, шепоток, который услышал бы и столетний старик. Но вместе с тем губы растягивались в самодовольную усмешку, стоило какой-нибудь симпатичной даме назвать его «мой король» или же, например, уловить раболепствующие шарканья ножек весьма уважаемых в городе взрослых людей.

– Джонас, милый, как я рада, что ты почтил нас своим присутствием! – тетушка Ариадна, всегда надушенная так, словно ароматы всех цветов мира сосредоточились на ней, едва не задушила своего племянника в тесных сладких объятиях. Пришлось задержать дыхание.

– Ну что ты, тетя, как я мог отказать? – Джонас досадливо

поморщился. Он бы, разумеется, и думать не стал, если бы не настойчивые увещевания матери о том, как, должно быть, тяжело и одиноко живется несчастной сестричке его отца после потери горячо любимого мужа. Почившего, кстати говоря, уже без малого десять лет назад. Да, и отец не испытывал особенной жалости к своей вдовствующей сестрѐнке.

– Ари, дорогая, тебя уже все ждут! Иди же скорее к нам! – к ним подошла светловолосая женщина, молодая, привлекательной наружности, но оттого ничуть не более приятная. Одета она была в яркое, обтягивающее мощную фигуру, платье из зелено-желтой змеиной кожи. Цепкий взгляд тут же зацепился за высокую мужскую фигуру и хищно оглядел сверху-вниз.

– Не представишь нас, дорогая? – спросила дамочка, обмахиваясь желто-сине-красным веером. Тонкие ярко-красные губы растянулись в кокетливой улыбочке.

Ариадна покачала головой, поправляя при этом то и дело сползающую оправу прозрачных очков. Носить их она не очень любила, а потому то и дело заказывала у мастеров, несмотря на уговоры, одну и ту же модель, по ее мнению, наименее заметную. Очки-невидимки, так или иначе, неизменно оказывалась на носу и увеличивали глаза так, что со стороны окружающим казалось будто еще чуть-чуть и белки их обладательницы выкатятся наружу.

– Это мой племянник, Натали. Ему ШЕСТНАДЦАТЬ, – нарочито громко произнесла она последнюю фразу и одари-

ла подругу строгим взглядом выпученных глазок.

– Пфф, – фыркнула Нэт. – А выглядит на все двадцать...
– но, спохватившись, добавила, – пять.

Джонас громко зевнул и милостиво разрешил тетке покинуть его и присоединиться, к несомненно, более интересно-му, взрослому обществу. Если так пойдет и дальше, ему придется срочно придумывать повод, чтобы поскорее удрать с этой чудаковатой вечеринки.

Джонас взял со стоящего рядом с ним подноса весеннюю росу [1] и одним глотком осушил содержимое бокала. Поморщился, отметив про себя, что напиток – дрянь редкостная.

«И что они туда подмешивают? Наверняка разбавляют с обычной озерной водой. Фу, тетка совершенно ни в чем не разбирается».

Внезапно внимание его привлекла небольшая компания, расположившаяся в уютном кремовом кресле. Их было трое, двое из которых оказались миловидными брюнетками. Молодой человек же показался смутно знакомым.

– Анхель... – он облегченно выдохнул. Вечер обещал быть уже не таким ужасным, каким успел нарисоваться в голове.

Парень заметил его и широко улыбнулся. Он тоже распознал в Джонасе старого приятеля. Молодые люди обменялись приветствиями и уселись чуть поодаль от дам, чьи любопытные взгляды и хихиканья весьма красноречиво говорили о том, что те не прочь присоединиться к молодым лю-

дям и разбавить мужскую компанию легким девичьим присутствием.

– Не спрашивай, как я здесь оказался, – покачал головой Анхель. – Во всем виновато аскетическое существование жертвы науки.

– Родители отказались от своего любимого сыночка? Одумались? Давно пора, – хохотнул Джонас.

– Вот станешь бедным студентом, тогда и поговорим, – нарочито обиженно бросил друг. – Да, мои родители снова взбунтовались. Им, видите ли, пришлось не по нраву, что я целыми днями пропадаю в компании неблагоприятных молодых людей и мало внимания уделяю науке. Видимо, старикашка Геррий, сторож в общежитии, донес. Больше никому. Отец приплачивает ему, а он, словно верный пес, выслушивается. Разве что хвостиком не машет! – Анхель громко твякнул и помотал головой из стороны в сторону.

Джонас рассмеялся.

– Ладно, со мной все ясно! Бесплатная выпивка и еда... а ты что забыл на столь увлекательном приеме, позволь узнать? Публика здесь собралась чересчур... – Анхель насмешливо приподнял брови.

– Чересчур древняя? – хохотнул в ответ Джонас. – Матушка заставила. Я бы никогда по своей воле сюда не сунулся. Тетка у меня очень несчастна, бедняжка, – он усмехнулся, заметив недоуменный взгляд друга.

– Хозяйка вечера? Она не выглядит очень уж несчаст-

ной, – Ариадна глупо хихикала, потирая пухлые ручки, строила глазки сидящему напротив нее седовласому высокому мужчине, снова и снова проигрывала. Но, кажется, проигрыш занимал ее меньше всего на свете и свою черную полосу она трактовала скорее, как «отвлекающий маневр» в общей стратегии по завоеванию мужских сердец.

Внезапно Ариадна вскочила со своего места, закричала и замахала руками, точно каркающая взъерошенная ворона:

– Внимание! Господа, попрошу у вас минутку внимания! – сидящие в зале заинтересованно уставились на хозяйку вечера. Гости маялись от скуки. Ничем непримечательная дорогая выпивка, угощения и унылая компания – все это вынуждало их хвататься за малейшую соломинку, случайность, которая скрасила бы пресный вечер.

Тетушка покраснелась и щелкнула пальцами. Седой, едва передвигающий свои кривые и сухонькие ножки слуга с трудом донес тяжелый сундук до середины зала и с громким грохотом водрузил его на деревянную скамью. С особой медлительностью он выудил из сундука коричневую деревянную доску.

– Госпожа, – поклонился и тут же застонал. Боль в пояснице, будь она неладна, давала о себе знать.

Ариадна взяла в руки сердцевидную деревяшку и потрясла ею так, словно за ней скрывались тайны всего мироздания.

По всему залу прокатились смешки и заинтересованный шепот.

– Что это?

– Должно быть, доска.

– Понятно, что доска, но зачем она?

– Резать хлеб?

– Фу! А зачем нам резать хлеб? Разве для этого нет слуг?

Ариадна выпятила грудь и с гордостью обвела взглядом присутствующих.

– Это, господа, Говорящая Доска! – произнесла она, сияя, словно начищенная монета.

Джонас не выдержал и фыркнул. Друг ткнул его вбок.

– Невежливо насмеяться над причудами своей тетки, – прошептал он, но в тоне его сквозило плохо замаскированная насмешка, грозившая вот-вот перерасти в громкий хохот.

Взрослая публика вела себя более сдержанно. Адвокат Гранд терпеливо поглаживал свои длинные усы и будто всем своим видом сообщал присутствующим: «Как же я устал от этого глупого фарса! Можно, наконец, встать и уйти домой? Это будет вежливо?»

Ариадна, однако, совершенно не замечала скепсиса своих гостей. Она радостно потирала ручки и тихо похрюкивала.

– Говорящая Доска или Доска Дьявола, господа, это вещь, благодаря которой мы с вами сегодня можем проникнуть в мир, где уже вечность не светило солнце, а лунные блики не касались ночной тьмы! Мир, в котором давно забытые души обретают жизнь, а жизнь в нашем с вами понимании стано-

вится горсткой пепла, не стоящей внимания. Иными словами, господа, сегодня мы совершим путешествие в мир мертвых! – последняя фраза, произнесенная в торжественной манере, зависла в воздухе.

– Что за ерунда! – отмахнулся адвокат Гранд и поморщился, поправляя в грудном кармане фрака сбившийся белоснежный платочек. – Если никто не против, я, пожалуй, покину Вас. Дома столько дел... столько дел... – пробормотал он и уже было вышел из-за стола, как к нему подскочила тетюшка и схватила за руку. Хотя, скорее, вцепилась в нее. Мужчина предпринял попытку вырвать руку, сначала «между прочим», не желая при этом привлекать лишнее внимание. Потом чуть более решительно.

– Я прошу Вас, мистер Гранд, оставайтесь! Иначе пропустите самое интересное!

Джонас фыркнул. Его тетка вела себя до смешного нелепо.

Почему бы ей, в таком случае, не привязать его тугими веревками к стулу у себя в подвале и держать там? Никто не заметит пропажи одного противного, до омерзения чопорного адвокатишки. В городе тотчас найдется с десяток перспективных, подающих надежды кандидатов на его должность.

Адвокат поморщился и сел. Все оттого, что на него были устремлены с десяток любопытных глаз. Гранд терпеть не мог подобного рода внимание. Мужчина был твердо уверен, что обладал безупречной репутацией. Уж он-то позаботится

о том, чтобы в следующий раз придумать вежливую и сухую отмазку. Чтобы только не видеть и не слышать эту назойливую дамочку.

– Коснитесь моей руки, – уже всю щебетала Ариадна. – Да, положите Вы ее! Вот так! – она не выдержала и схватила руку несчастного мужчины, уверенно шлепнула ее на свою собственную. – Теперь нужно при-слу-ушать-ся, – прикрыла глаза и подняла голову наверх, вдыхая несуществующие ароматы волшебства, никогда не знавшие эти стены.

– Бог мой, – прошептал адвокат, сглатывая подступивший к горлу комок. – Когда же это закончится?

Джонас весело рассмеялся, уже несколько не сдерживаясь. В комнате было шумно. Гости вскочили со своих мест и окружили сидевшую друг против друга парочку, чьи руки были крепко-накрепко соединены благодаря невероятным усилиям тетушки.

– Признаться, думал, будет не так весело, – покачал головой Анхель. – Твоя тетя – та еще штука!

Между тем, в комнате погас свет, видимо по велению самой госпожи. И стоило комнате опуститься в полный мрак, тетушка принялась раскачиваться на стуле и издавать подзрительные заунывные звуки.

Джонас уже всю хохотал. Несколько дам издали испуганные возгласы, когда внезапно распахнулось окно и скрипнула тяжелая дверь.

Свет из коридора тотчас просочился в комнату, откры-

вая взору худенькую долговязую фигурку. Лицо мальчишки украшала знакомая наглая улыбочка.

– Это же подмастерье, которого я видел...

– Подмастерье? – заинтересовался друг. – Ты знаешь этого оборванца?

– Нет, конечно, – фыркнул Джонас. – Буду я еще водиться со всякими бедняками. Так, покупал у него недавно шоколад. Редко встретишь столь глупого и наглого мальчишку, даже среди голодранцев, – бросил он, с неудовольствием отмечая, что своим появлением этот паренек произвел куда больший фурор, нежели он сам.

– Прошу прощения, – он поклонился в забавной шутовской манере и выкатил из-за спины позолоченную тележку, на которой возвышался огромный шоколадный торт, украшенный сверкающей золотистой волшебной пылью, ослепительными, голубоватыми слезами русалок и белоснежными сливками.

Должно быть, тетке нужно поблагодарить мальчика и бросить несколько золотых,

ибо только что мальчишка спас ее от грозившего подорвать ее репутацию позора.

Хотя, какая там репутация! Все и так были знакомы с причудами Ари.

– Ням-ням! – облизнулся Анхель. – Извини, друг, ты мне, конечно, дорог, но шоколадный торт... о, Владыка, еще и со сливками... да, однозначно, дороже.

Джонас проводил поспешившего пересесть поближе к тортю друга хмурым взглядом. Предатель. Бросился за куском торта, словно это был настоящий золотой слиток. Мда, бедная студенческая жизнь, вероятно, кого угодно может превратить в изголодавшееся существо.

Джонас с видимым превосходством рассматривал мальчишку, когда тот старательно резал для него кусок аппетитного торта. К его неудовольствию, кусочек выглядел совсем крошечным. Он так долго ждал, когда паршивец соизволит довести свою телегу до его диванчика, а получил крошку?

Месь?!

Всем своим видом этот парнишка показывал, что не помнит Джонаса, но краем глаза он все же заметил, что подмастерье его узнал. В темных глазках промелькнули едва читаемые веселые искорки.

– Тебя что, резать вообще не учили? – поинтересовался Джонас в своей излюбленной насмешливой манере, предназначенной исключительно для бедняков. – Или ты косою? – нарочито участливо поинтересовался он. – Почему такой маленький, кривой кусочек?

Джонас с удовлетворением заметил, что теперь глаза мальчишки загорелись неприкрытым злым огоньком.

– Я отрежу Вам другой, – процедил тот сквозь зубы и принялся еще более старательно кромсать прекрасное кулинарное творение. Рядом уже слышался недовольный шепот.

– Какой-то нерасторопный малый, – фыркнула дама с

огромным красным цветком на груди.

– Куда смотрят хозяева, набирая столь отвратительных работников, – пожаловалась Ариадна и нарочито капризно надула свои тонкие губы.

– Пожалуйста, господин, – мальчик протянул ему небольшую фарфоровую тарелочку, по краям которой располагался симпатичный узор, напоминавший лебедей.

– Где салфетка? – продолжил издеваться Джонас. О, нет, этот подмастерье сегодня свое получит. Если мастер не может преподать урок своему наглому ученику, это сделает он. Да-да, потратит свое драгоценное время на чумазое нечто. – Ты же знаешь, что вместе с десертом подают и салфетки, неряшка?

Правда, стоило признать, что мальчишка сегодня совсем не выглядел «чумазым неряшкой». Напротив, поглаженная, выбеленная рубашечка, недорогой, но чистый и аккуратный костюмчик – его вырядили, словно именинника, виновника торжества. Джонасу эту ужасно не понравилось.

– Что такое? – наконец, не выдержала Ариадна и решила вмешаться в процесс. Она не любила, когда разговоры вели без ее участия.

– Я... сейчас... – мальчик не на шутку растерялся.

– У мальчишки нет салфеток. Он принес нам тесто и думает, что мы, подобно нищим, невоспитанным оборванцам, набросимся на жалкое творение и поглотим целиком. Так, неряшка? – требовательно произнес молодой человек.

Пора было заканчивать спектакль. Ему ужасно хотелось попробовать сливочный соус, смешанный со спелыми ягодами...

Джонас театрально вздохнул и хотел было отпустить мальчишку, но глаза того внезапно стали походить на два огромных блюда. Тот нелепо взмахнул своими длинными конечностями и повалился прямо на Джонаса... увлакивая за собой злосчастный торт.

Джонас не успел даже вскрикнуть. В следующий миг взор его покрывала белоснежная пелена, а язык нащупал приятный сливочный вкус крема.

Он медленно стер с лица густую сладкую массу и, находясь в полнейшем оцепенении, оглядел всех вокруг. Толпа замерла. Казалось, что и само время остановилось.

– Я... это ничего, господин, я сейчас... – писк откуда-то справа буквально вырвал его из задумчивого шокового состояния.

Джонас медленно повернулся к виновнику своего внезапного фиаско. Со стороны послышались громкие смешки и издевки. Гости уже не сдерживались и всюю хохотали. Анхель покачал головой, пытаясь скрыть улыбку за кашлем. Ариадна нервно переминалась и поправляла очки.

– Ты! – ткнул он в Луку пальцем. – Неряшка, с сегодняшнего дня я лично прослежу, чтобы даже твоего следа не было в кондитерской! Вообще, ни в одном приличном заведении, мелкий ты уродец! – он схватил мальчишку за грудки и трях-

нул его так, словно тот был безвольной тряпичной куклой.

Мальчишка виновато поджал губы, но глаза его, веселые, светло-ореховые глазки... Там плескалось настоящее веселье! Несомненно, он издевался над ним, это было заметно и невооруженным взглядом.

– Да, как ты смеешь! – Джонас отвесил ему подзатыльник. – Смеяться надо мной вздумал?!

Ариадна, наконец, выбежала вперед и поспешила спасти ситуацию. Она с силой вцепилась в плечо племянника, вынуждая отпустить слабо сопротивляющегося мальчишку.

– Хватит, Джонас. Довольно грубости, это всего лишь мальчишка. Не позорь меня перед гостями, – процедила Ариадна сквозь зубы. – Я позабочусь о том, чтобы его наказали по всей строгости, – заверила тетка. – Тебе лучше умыться, племянник. Уже завтра об этом конфузе никто и не вспомнит... – шепнула она.

Джонас зашипел. Непрекращающийся смех глупых девиц едва не заставил его задушить мальчишку голыми руками, но здравый смысл все же взял вверх, и он с жалостью отпустил воротничок накрахмаленной рубашки, насквозь пропахшей дешевым мылом.

– Молись, чтобы мы больше никогда не встретились, неряшка, – прорычал он и, широко расправив плечи, двинулся к выходу. По пути выхватил у одной из хохочущих девиц белоснежный платочек, вытер лицо, руки и бросил на пол, словно использованный мусор.

День был безвозвратно испорчен. Как же, «никто не вспомнит!» Завтра об этом конфузе будет судачить вся округа. Прежде Джонаса никогда не унижали. Да, еще прилюдно, на глазах у всего высшего света! И кто?! Мальчишка, без рода и имени! Пыль, ничтожество... Мир катился в тартарары. Эти стервятники из высшего света только и ждали чего-то подобного.

– Уму непостижимо... – шептал, остервенело растирая лицо прохладной водой.

– Почему такая холодная?! – заорал он на трусливо прячущего от него взгляд, слугу.

– Вы же сами просили холоднее, господин, – низенький пухлый мужчина отшатнулся от племянника хозяйки, когда тот навис над ним, подобно страшному коршуну.

– Я просил «холоднее», но не ледяную же! Что с вами со всеми, плебеи?!!

Огромная кадка оказалась на полу, а вода, подобно морю, тотчас заполнила собой пространство холодных каменных плит.

«И совсем даже не холодная. Тепленькая», – растерянно подумал пухляк и поторопился выйти вон, пока гнев мальчишки не настиг и его самого. Какой же ошибкой было полагать, что у госпожи Ариадны отвратительный характер. Стоило для этого увидеть ее племянника.

Примечания

[1] – весенняя роса – напиток, содержащий в составе первую утреннюю росу, собранную весной

Глава 2

, в которой герои понимают, что скоро все изменится

Сначала я думал, что земля цилиндрическая, потом понял, что она плоская и стоит на трех китах... извините, на четырех слонах. Нет уж, скорее сферическая. Или круглая. И вращается вокруг своей оси. И солнце вращается вокруг земли. **АБСОЛЮТНО ВСЕ НА СВЕТЕ ПРИЗВАНО ВРАЩАТЬСЯ ВОКРУГ ЗЕМЛИ!** Но кто-то позже высказался о том, что земля вращается вокруг солнца. Это оказалось правдой. Мне это не понравилось. Потому что земля держится на четырех китах и все, абсолютно все в это Вселенной вращается вокруг нее. А потому я плюнул на этих горе-ученых и решил создать свою собственную теорию... Понимаете, земля такова, что абсолютно все... все в этом мире, мироздании, если хотите это так называть, вращается вокруг земли...

(из записок неизвестного путешественника, которому удалось перейти Темный Лес)

– Домой! – крикнул он кучеру. Серьезный, здоровенный мужчина сорока с небольшим лет, умел быть невидимым. Это качество Джонас ценил в слугах больше всего. Хорошо, когда мышата не отвлекают хозяев своими глупыми, низменными фразами.

По дороге он с неудовольствием отметил, что дизайн салона его личной кареты изрядно устарел: ярко-зеленый травянистый цвет обивки вышел из моды. Необходимо было заменить его на болотистый, поменять золотые нити на серебряные. А яркий желтый цвет его вообще раздражал: безвкусица, по своей сути. Солнце желтое, цыплята тоже неестественного желтого цвета. Цыплята вырастают и превращаются в петухов, да куриц. Отвратительно! Однако, учитывая тот факт, что в этом месяце «летний желтый» был изображен во всех модных журналах, добавить росчерк данного цвета оказывалось вынужденной необходимостью. Статус и положение в обществе обязывали. Хотя, большинство его ровесников предпочитали повторять все за своим кумиром. Девчонки-крестьянки называли его "Сияющая звезда", а дамочки из высшего общества именовали не иначе как "Принц".

Карета резко затормозила. Джонас повалился вперед и едва не соскользнул со своего сиденья.

– Да, что ты совсем с ума сошел, совсем распустились, чернь! – выругался он, однако, был удивлен, когда не услышал сбивчивых извинений и заиканий кучера. Молчание слегка пугало.

Джонас приоткрыл дверцу и сглотнул. Снаружи стояла непроглядная тьма. Он не мог понять, где они находятся: ни фонарей, ни света в окнах. Парень даже не был уверен, есть ли здесь вообще дома. Он испуганно закрыл дверцу, позвал кучера, но спустя некоторое время, так и не дождавшись от-

вета, снова распахнул дверцу кареты и нехотя вылез. Его сразу обдало холодом. Джонас поежился. Не хотелось признаться, но было жутко. Глаза постепенно приспособивались к отсутствию света, на небе обозначилось лишь несколько звезд. Лунное свечение этой ночью было особенно слабым и тусклым. Парень подошел к месту кучера, но никого там не обнаружил.

– Эй, Фер, перестань! Это уже не смешно! Если не хочешь, чтобы родители уволили тебя к чертям, поторопись и отвези меня пока...

Парень подскочил от неожиданности, когда огромная ладонь, от которой воняло сыростью и землей зажала ему рот. Его потащили куда-то в противоположную от кареты сторону. Джонаса посетила совсем неуместная в данной ситуации мысль о том, что стоило бы захватить с собой теплую шубу из джинджер...

– Не дергайтесь, хозяин! Это я, Фер. Обещайте не кричать, хорошо? – и действительно, луна все же сжалилась и осветила полное, красноватое лицо кучера. Парень кивнул, и широкая ладонь соскользнула с его лица.

– Прежде чем решите звать на помощь, прочтите, – Фер протянул ему помятый, конверт.

Джонас с некоторой опаской выудил из него маленький пергамент и пробежал глазами несколько раз, пока знакомый почерк матери не начал расплываться перед глазами.

«Сынок, если ты читаешь это письмо, нас с отцом уже

нет в живых. Тебе трудно в это поверить, знаю. Однако, милый мой, это правда. Нам пришлось скрыть от тебя надвигающуюся угрозу, чтобы защитить и не дать разрушающей, безумной силе погубить и тебя. Придет время, и ты сам все узнаешь. А пока будь внимателен и сделай так, как написано в этом письме.

Ни в коем случае не возвращайся в поместье. Серость – опаснейшее место для тебя. Они уничтожат тебя. Ты должен найти свою тетью. Моя сестра хорошо разбирается в колдовстве и поможет найти Карту Жизни – вещь, с помощью которой ты сможешь обрести своё единственное, бесконечное счастье. (Далее был написан адрес, по которому проживала неизвестная дотоле госпожа Матильда Доллоуэй. Кстати говоря, жила она совершенно очевидно в другом городе или даже деревне. Кривоватые, выведенные впопыхах слова оканчивались загадочной заглавной «Т.» в конце). Мой милый Джонас, я знаю, что ты сильный и сможешь справиться со всеми трудностями, которые ожидают тебя на пути к счастью. Мы с отцом часто забывали о твоих недостатках и, что говорить, сами способствовали их проявлению. Однако, мой милый, я уверена, что у тебя доброе сердце и отважный дух. Ведь ты – особенное дитя, таких рождает лишь искренняя и сильная любовь. В конверте находится наш с отцом тебе прощальный подарок – это кольцо, артефакт, который поможет отличить правду от лжи. Достаточно лишь посмотреть человеку в глаза, задать во-

прос, а затем взглянуть на цвет камня. Если он окажется зеленым – человек говорит правду, синим – что-то утаивает, если же красным – остерегайся лжеца, помыслы его дурны и сам он человек насквозь фальшивый и лживый. Он может затевать против тебя нечто ужасное.

Прощай, сынок. Помни, мы с отцом тебя очень любим и будем наблюдать за тобой и на небесах. Уничтожь письмо, когда прочитаешь».

Джонас достал из глубины конверта кольцо с прозрачным белым камнем, похожим на бриллиант, но более мутным. Его грани покрывали едва уловимые трещины, паутинкой расходились серыми тонкими нитями по всей поверхности.

– Они так пошутили, да? Решили наказать за дурное поведение? – глотая слезы, прошептал он, надевая кольцо на указательный палец. – Я почти поверил, Фер.

Тот грустно покачал головой.

– Увы, хозяин.

Кольцо приобрело чистый зелёный оттенок. Фер не врал ему. Это правда. Родители мертвы, а он, один, среди какой-то Владыкой забытой местности... Без денег и дома... Сирота.

– Как... как это произошло? – грудь его вздымалась от бессилия, он изо всех сил боролся с желанием разрыдаться. Просто лечь на эту мокрую, пропитанную дождем землю и провалиться до рассвета. Пока не иссякнут последние слезы.

– Я зашел в гостиную слишком поздно, – кучер рваным,

ломаным жестом прижал к груди серый потрепанный цилиндр. – Хотел отвезти миссис Доллоуэй к портному. Но... увидел их там... хозяйка лежала на диване... У нее были широко распахнуты глаза. Я даже сначала не понял, что к чему. Уж поверьте, выглядела она живее всех живых! – кучер осекся, когда заметил побледневшее лицо Джонаса. – Затем я проверил пульс... ну, сделал все необходимое... и понял, что она... Ваша мать... – вздохнул, не решаясь продолжить.

Джонас не выдержал и обессиленно застонал.

– Отец? – прорычал сквозь зубы.

– Его проткнули кинжалом. Он лежал там же, в спальне на полу. Прямоxonько в сердце. Знаете, я знаю сотню другую профессиональных охотников и ни один из них не смог бы прицелиться столь метко. С одного удара... Неужели Ваш отец не сопротивлялся... я...

Джонас покачал головой. Он ровным счетом ничего не знал ни о своих родителях, ни о том, какую опасность скрывали эти люди от своего родного сына.

– Где были чертовы слуги, Фер?!

– Ни одного «чертового слуги», хозяин, – прошептал тот расширившимися глазами. – Ни одного!

– Сбежали, гады! – заревел он, словно раненое животное. – Каковы предатели!

– Я не думаю, хозяин... Ваши родители отпустили всех... Это очень странно, письмо я нашел совершенно случайно. Конверт лежал под диваном. Я прочитал и понял, что Вам

тоже угрожает опасность и поехал к дому Вашей тети. Решил вывести Вас подальше и рассказать.

Начинался дождь. Первые три капли угодили ему на лицо.

– Они не могли со мной так поступить, Фер! Просто не могли! – парень бессильно опустился на землю и уткнулся носом в колени. Слезы все лились и бились бесконечным, мощным потоком. – Они же знали, что им угрожает опасность! Почему не уехали?! Почему ничего мне не рассказали?! – закричал он.

Кучер опустил тяжелую шершавую ладонь ему на плечи, пытаясь утешить молодого хозяина, однако, от этого стало ещё хуже.

– Сейчас я разобью для нас палатку, мы переночуем, а затем я отвезу Вас... Туда, куда приказали доставить Ваши родители, – глухо произнёс он и направился к карете.

– Куда? – безжизненным голосом поинтересовался Джонас.

– Сначала выберемся из города, – вздохнул слуга.

Джонас задрал голову вверх и взгляделся в небо. Ему показалось, что одна из звёзд горела ярче остальных.

***

После смерти родителей Лука остался на улице. В приют он идти решительно не желал, а вести бродячую жизнь бездомного мальчишки тем более не хотелось. Будучи шестилетним малышом, Лука не мог даже устроиться подмасте-

рьем или помощником продавца в самую плохонькую лавочку. Однако, нашёлся один добрый господин, который взял мальчика к себе, обучил грамоте и ещё многим полезным вещам, благодаря которым он с лёгкостью зарабатывал деньги на карманные расходы и мог позволить себе приобрести различные интересные мелочи, вроде уменьшенного глобуса, книг, пергамента и прочих приятных безделушек. На улице Лука подружился с шайкой местной банды, лидер которой, бездомный двенадцатилетний мальчишка по кличке Клинок, научил его шулерству, метанию ножа и стрельбе из лука. В обмен на эти бесценные знания Лука регулярно снабжал мальчишек сладостями. Сам он, признаться, за годы, проведенные в "Сладком Царстве" начал испытывать равнодушие к шоколаду, леденцам и прочим детским «драгоценностям». Альтер Картер, хозяин лавки, в шутку называл его стариком и жаловался на чересчур серьёзный и взрослый характер мальчика. Он считал, что мальчишки его возраста больше времени проводят на улице с ровесниками нежели пытаются впихнуть в руки покупателей побольше дорогих товаров. Ох, если бы Картер знал, во что превращалось «Сладкое Царство» вечерами, три раза в неделю, когда сам он вынужден был отлучаться и ездить за новыми ингредиентами для приготовления сладостей.

В среду, пятницу и субботу «Сладкое Царство» изменялось совершенно, до неузнаваемости и приобретало гротескный оттенок азартного безумства. Мужчины приходили в

кондитерскую лавочку, чтобы распрощаться со своими скудными сбережениями. Богатые люди никогда не портили свою безупречную репутацию посещением подобных заведений. Да, и незачем им это было. Они предпочитали проводить время в компании себе подобных, танцевать на балах, пробовать изысканную пищу и разговаривать ни о чем, демонстрировать дорогие украшения и одежду. Карточные долги – удел бедняков. Без этого их жизнь, думалось Луке, стала бы бесцветной и обыденной. Какой, по сути, и должна быть здесь, в городе «Серость».

Больше всего на свете Лука боялся, что рано или поздно мастер узнает правду и выгонит его к чертям собачьим! Нелегальный игровой дом в кондитерской лавке грозил, по мнению Луки, чем-то ужасным. Городской совет мог бы сию минуту прикрыть заведение и неважно, что через дорогу от них, в цирюльне у мистера Чвонхинса каждый день собиралось несколько десятков пьяных бородатых мужчин, которых после полуночи часто приходилось выталкивать с силой из заведения. Никого не заботили громогласные крики, ругательства и проклятия, доносившиеся из цирюльни мистера Чвохинса.

«Должно быть, это очередной взбешённый клиент. Бедняга ожидал волшебства, но получил свои три волосинки! Откуда бы взяться больше? Пусть купит выбеленный парик, сейчас такие в моде», – смеялись одни.

«А я говорил – не связывайся с бродягами! Они только

языками чесать готовы, а на деле – тьфу!.. И волоска не заплатят. Все лживые увещевания превращаются в пыль, когда приходится платить по счетам», – вздыхали другие.

Для мистера Чвохинса всегда находились сотни тысяч отговорок, а он, Лука, вынужден был то и дело скрываться, просить у Клинка специальный Аромат Тишины, действие которого длилось без малого пять часов. Скажите пожалуйста, разве этого было достаточно, чтобы заработать хоть чуточку лишних денег? Однажды миссис Тсунами увидела, как в лавку заходят двое «нелицеприятных, подозрительных типов» и тотчас же послала ворона с кляузной запиской мастеру. Позже выяснилось, что «нелицеприятными» эта миссис назвала мужчин лишь из-за странного шрама, пересекавшего лицо одного из них и нехорошей ухмылочки другого «типа».

Разумеется, позже мальчику удалось выпутаться из этой неприятной истории. Он рассказал мастеру о двух несчастных моряках, чья команда по воле ужасного случая была обречена на верную гибель и спастись чудом удалось лишь этим мужчинам. Разве мог он, Лука, отказать им в еде и крове? Разве этому учил его мастер? История была чересчур терпкой, словно сладкий сироп, но мистер Картер поверил своему воспитаннику. Или, по крайней мере, сделал вид, что верит.

Лука испытывал искреннюю привязанность и благодарность к мистеру Картеру. В его глазах тот был очень достой-

ным человеком: Альтеру не было и тридцати, когда он решился усыновить мальчонку и сделать своим преемником. Своих детей у него не было, «нужной» женщины он так и не встретил, объясняя это столь неловкое обстоятельство своим якобы несносным характером. Луке, однако, как никому другому было известно, что характер у воспитателя чудесный. Видимо, под «нужной» женщиной подразумевалось все же нечто иное...

В любом случае, Лука всегда располагал выбором и мог сам решать, прогуляться ли ему по извилистым улочкам Серости и поддаться абсолютному, наглому безделью или с благодарностью исполнить долг воспитанника и подмастерья. Мальчик чаще всего выбирал второе и старательно постигал секреты торговли, помогая Альтеру.

Ему до чертиков хотелось быть полезным мастеру.

«Пусть только Альтер никогда не пожалеет, что дал мне шанс. Я не разочарую его. Ни за что на свете», – так думал он, составляя очередной договор, согласно которому мистер Х должен был передать ему, Луке Картеру, обозначенную сумму денег в случае проигрыша, а в свою очередь он, Лука Картер обязался сделать тоже самое в случае своего проигрыша.

Часто его не воспринимали всерьез и относились как к наивному ребенку. А Лука, хоть и был ребенком, доверчивым себя никогда не считал. Начал он с того, что однажды предложил старику Бернсу, соседу напротив, сыграть в карты от нечего делать, просто веселья ради. Кончилось тем, что ста-

рик одержал довольно легкую победу, а после захотел сыграть снова. И проиграл. С задорным мальчишеским азартом Бернс кидал свои карты на стол, нервничал, то и дело стирал с морщинистого лба капли пота грязным, некогда белоснежным платком. А однажды Бернс предложил сыграть на деньги. Лука принялся отказываться от игры, но тот упрашивал его, и мальчик согласился.

Старик Бернс проиграл. И еще. Еще раз. Пока не проклял мальчишку на чем свет стоял! Пусть карты были грязными, серыми и засаленными, но договор вполне себе чистеньким и волшебным. Его невозможно было нарушить, переписать, уничтожить. Не заплативший в указанный день, час, секунду несчастный тотчас же превращался в тень. Он мог мыслить, двигаться, видеть, слышать. Несчастный мог делать все и ничего одновременно. Ведь отныне ничего не приносило счастья. Тень – это все равно что человек, но и не человек вовсе. Безликое существо, лишенное возможности жить.

Следом за Бернсом на удочку юного мошенника попались и моряки. Лука с легкостью оставлял тех с носом, обманчиво проигрывал несколько волосков и даже золотых, плакал, желал отыграться, а после начиналась долгая «полоса везения».

Таким образом, вскоре у него появилась своя схема. Позже, в благодарность за полученные ранее знания, он поделился ею и с уличными мальчишками. Клинок – мастер по части обмана в азартных играх, в день, когда Луке удалось

«раздеть» самого капитана огромного морского судна «Изумруд», посмотрел на него с особенным уважением и пару раз с силой хлопнул по худенькому плечу.

Позже игроки стали собираться у него в лавке. Лука заставлял каждого из участников секретных собраний подписать договор о неразглашении тайны места и времени посещений «клуба». Чаще всего он не допускал огромных долгов, выпроваживал мужчин до того, как они переступят черту, за которую заходить было нельзя. Лука не желал быть причиной появления лишних теней в Серости. Бессмысленно добавлять городу больше слякоти и дождливости.

Сегодняшний инцидент с богатеньким мальчиком разбудил в Луке неведомые дотоле чувства. Тетка расфуфыренного щегла велела личному слуге «выбросить его за порог», словно какого-то нашкодившего бездомного щенка! А все благодаря ее избалованному племяннику. Он и не предполагал, что способен испытывать столь безграничную зависть и ненависть к живому существу. У этого парня было все: деньги, богатые заботливые родители, сказочная внешность, беззаботное детство. Раньше Лука завидовал только луне и звёздам... Их невозмутимости, независимости... Теперь же он ясно осознал, что хочет изменить свою жизнь. Работа в лавке – это, конечно, хорошо, но до безобразия скучно и степенно. Конечно, в случае крайней удачи мальчик мог попробовать устроиться в порт и стать личным слугой капитана. Возможно, спустя несколько лет его бы и повысили до млад-

шего матроса...

Но все это были лишь выдумки.

Да, и сказать по правде, Лука никогда не мечтал стать матросом. И даже капитаном дальнего судна.

Его интересовало все и ничего одновременно. Нравились путешествия, приключения и опасность. Но вот беда, он терпеть не мог шторм, насекомых и беззубых пиратов. Про последних любил рассказывать друг Альтера – смазливый пройдоха Краус, который по слухам и сам некогда работал на капитана пиратского Черного Судна. Лука часто зачитывался романами, которые находил в библиотеке, располагавшейся на соседней улице. Жители города Серость не особенно интересовались чтивом, а потому он без проблем мог проникнуть в любую секцию и вытащить очередную захватывающую историю, покрывшуюся пылью на коричневых деревянных полках.

В таких несвойственных для его возраста раздумьях пребывал двенадцатилетний мальчишка, попутно обслуживая клиентов. Сегодня попадались исключительно вежливые люди или, вероятнее всего, после случившегося абсолютно все казались самыми приятными и добрыми личностями на свете?

Наконец, Альтер заметил механические движения и грустный взгляд воспитанника. Он мягко положил ладонь ему на плечо и заявил, что сегодня они закрываются раньше. Лука изобразил благодарную улыбку, однако, кислое выра-

жение лица не исчезло, а, напротив, растянулось в еще более жалкую ниточку. Казалось, еще немного и он разрыдается.

Когда последний клиент скрылся за дверью, мужчина запер лавку и приблизился к нему, заглядывая в грустные глаза.

– Ну-ка, расскажи, что тебя так беспокоит, мой мальчик, – Альтер уселся на лавочку рядом с ним.

Лука вздохнул и задумчиво провёл пальцем по деревянной шершавой поверхности стола.

– Альтер, у тебя когда-нибудь было такое ощущение, что ты находишься там, где тебе не место? Что ты – это не ты, а жалкое свое подобие? – Звучало глупо и нелепо, но мужчина внимательно слушал своего воспитанника, терпеливо ожидая его следующую мысль. – Я имею в виду... Вот я вырасту, буду торговать сладостями, возможно, даже открою свою собственную лавку, женюсь, заведу детей, внуков...

Альтер рассмеялся. Ему показалось забавным, насколько далеко пытался очертить свой жизненный путь этот ребенок. Однако, серьезный взгляд огромных, светло карих глаз заставил его замолчать.

– Ну, я, как видишь, закоренелый холостяк! – развел Альтер руками. – Хотя, все же внуков увидеть надеюсь.

Наконец, на лице Луки засияла привычная улыбка.

– Дело не в женитьбе, – отмахнулся он. – Я о том, что хочу другой жизни. Только какой именно совершенно не знаю. Но должен знать, – он наморщил лоб. – Я бы многое отдал за

одно только знание... – протянул он мечтательно.

И только смутно знакомое воспоминание мешало ему обреченно вздохнуть.

– Ну, конечно! – вскочил Лука. – Как я мог забыть! Вот... прочитал в книге и решил записать... Amor fati [1]. Известный древний философ записал это у себя в дневнике и упомянул о древней вещи, способной увидеть судьбу человека и помочь сделать верный выбор... – Альтер задумчиво прикусил губу и уставился в окно, где раскинулось темное небо с мириадами золотистых прекрасных звезд. Говорят, такое небо было лишь в Бриллиантовом Королевстве. – Но, конечно, – продолжил мальчик, – это может быть и выдумкой. Автор и сам не уверен, существует ли эта вещь в природе или нет... Все очень смутно и непонятно...

Альтер скрестил руки на груди.

– Книга у тебя? – спросил он прямо с непроницаемым выражением лица.

– Мастер, она же библиотечная... – Лука понимал, что Альтер прекрасно знает его и способен с легкостью прочитать, словно раскрытую книгу. Врать не имело никакого смысла, поэтому он сдался. – Сейчас принесу.

Несколько минут спустя они вместе сидели за столиком и сосредоточенно рассматривали старую, потрепанную книгу, страницы которой настолько пожелтели, а местами расплылись жирными пятнами, что некоторые буквы и даже целые слова приходилось различать с огромным трудом.

– Amor fati... Любовь к судьбе, року... Интересно... – шептал он, пролистывая страницы дальше. Мальчик с интересом следил за меняющимся выражением лица мастера. Наконец, тот резко остановился и победно ткнул пальцем на одну из самых блеклых, едва заметных строчек. – Ну, конечно... Fortes fortuna adjuvat! [2] Кажется, я знаю, о чем толкует этот автор, – глаза мастера лихорадочно заблестели. – Согласно легендам, существует артефакт – Карта Жизни... Это нечто вроде путеводителя жизни. Путники теряются, плутают по дороге своей судьбы в поиске чего-то особенного, родного, но так и не могут понять, что им нужно, в чем главная цель их жизни... – мужчина задумчиво постучал костяшками пальцев по дубовой поверхности стола. – Только вот найти Карту Жизни практически невозможно. Никто не знает, где она. Конечно, земля полнится слухами и сплетнями. Но все это, по большей части, пустая болтовня, – Альтер махнул рукой в сторону, отгоняя от себя огромного назойливого комара. – Разве что... – произнес он с толикой сомнения, а затем его губы украсила широкая хитроватая улыбка.

Лука почувствовал, что сердце еще чуть-чуть и выпрыгнет из груди. Это мог быть его единственный шанс, возможность выяснить и понять свое предназначение в мире, *обрести свое, единственно верное* счастье!

– Где ее можно найти? – глаза мальчика осветились надеждой. – Мастер, пожалуйста, для меня это очень важно! Вопрос жизни и смерти, правда-правда! – он сложил руки в

молитвенном жесте.

Альтер потрепал мальчишку по взъерошенным темным волосам.

– Чтобы достать её, нужно встретиться с Марселем – торговцем всего на свете, живущим по ту сторону Тёмного леса. Услышал об этом от Крауса, а тот подслушал разговор с судна Изумрудного Королевства. Говорят, Марсель этот – опасный тип. Потеряешь бдительность и навсегда лишишься души, поместит в какой-нибудь глиняный сосуд и продаст за бесценок. Нет такой вещи коей бы он не располагал, тролль землистый. Матрос говорил, что видел эту самую Карту собственными глазами! В темноте золотом пылает не хуже факела! – мастер замолчал и снова прикусил свою полную, слегка выпирающую пухлую губу. – Это все, что мне известно, – Альтер, наконец, заметил, нетерпеливое и радостное выражение лица своего воспитанника. Мысли его уже давно были за чертой Серости, все его естество предвкусало скорые приключения и раскрытие тайны, о которой размышлял дни и ночи напролет. Подумать только! Совсем скоро он увидит свое предназначение. Какую правду поведает ему Карта? Возможно, Луке суждено стать купцом, который привозил бы в их серый, скучный город заморские сладости, ковры и золото? Быть может, его судьба стать известным писателем или художником и создавать портреты знатных особ? Он бы мог написать портрет принца или прекрасной юной принцессы и...

– Думать не смей, слышишь? – угрожающе прошипел Альтер. – Этот путь слишком опасен! Темный Лес – не просто страшная сказка, это место, где все самые страшные и потаённые страхи оживают, кошмары преследуют и шаг за шагом несчастные путники, окутанные в паутину проклятого леса, сходят с ума... – Лука невольно сглотнул. Похоже, мастер действительно верил во все, что говорил. – Что уж тут говорить о детях.

– Ты действительно в это веришь, Альтер? – поинтересовался он с видимым недоверием.

– Даже, если и нет, – сдался мастер, – кто знает, сколько разбойников там живет, да и ведьмы не питают особенной любви к людям. Их врожденные способности в десятки раз по силе превосходят защитные артефакты, коими располагаем мы.

– Пусть так! – Лука упрямо мотнул головой. – Все равно. Почему ведьмы должны напасть на меня? Ведь я им совершенно ничегошеньки плохого не желаю. Подумаешь, колдуют! Ну, и пусть себе на здоровье – нам с ними делить нечего. И бояться, значит, незачем. А раз нечего и незачем – можно и подружиться! – Альтер скептически поднял бровь. Логика воспитанника казалась ему странной. Так было часто. Лука успокаивал себя дабы заглушить голос разума. – Я завтра же отправляюсь в путь! Даже не пытайся остановить меня, Альтер! – крикнул мальчик, убегая наверх, в свою комнату. – Ты же знаешь, что я все равно поступлю по-своему! – донеслось

сверху, когда послышался грохот передвигаемого сундука.

Альтер тяжело вздохнул и покачал головой.

– Невозможный мальчишка... – прошептал он беззлобно.

Кто знает, быть может, Лука поступал верно. Ведь в свое время Альтеру так и не хватило решимости последовать за своей *fatum*...

***

Лука никогда прежде не ощущал в себе подобной решимости. Неужели он, наконец, обретёт долгожданную возможность сбросить оковы томительной неизвестности? Сможет выйти на свой истинный путь? И для этого необходимо лишь найти какую-то там Карту Жизни... Конечно, для этого ему придётся проделать нелёгкий путь через Темный лес, постараться не превратиться в обед для злых ведьм, которых, кстати говоря, он не на шутку боится. Еще и лешие, сирены... Да, и разбойники вездесущие, голодные до золота и серебра.

Но, так или иначе, кого это в конечном счете заботит? Зная, что на кону гарантированное счастье! Да, любой из бродячих мальчишек тотчас же бросится в путь, узнав об этом волшебном артефакте. Его весёлые мысли прервал тихий голос, раздавшийся у порога комнаты:

– Я и не пытаюсь тебя отговаривать... – Альтер слегка улыбнулся. – У меня даже припасена одна вещь без которой будет очень сложно выжить в Темном Лесу. Карта. Не Жизни, конечно, но и таких сейчас осталось не так много. Эта

досталась мне от путешественника, гостившего еще до твоего появления... – Альтер хитро взглянул на своего воспитанника и подмигнул. – У тебя своя история, Лука. И она намного интереснее моей. Постарайся стать тем, кем ты на самом деле являешься. Ни больше, ни меньше. Возможно, я не самый лучший воспитатель, мой мальчик, однако, считаю своим долгом защищать тебя даже от тебя самого. Поэтому, если ты решил отправиться в это далекое путешествие в поиске своего предназначения, сделаем это вместе. Ты и я. Обещаю, – он присел на узкую, кое-как заправленную кровать мальчика, – как только работы в лавке поубавится, возьмем выходные и отправимся к этому троллю, Марселю, – он с особенной отеческой заботой и нежностью погладил мальчика по голове.

Лука невесело хмыкнул. О, разумеется, они отправятся! Альтер уже несколько раз обещал своему воспитаннику совершить путешествие в другие города, однако, у того все время находились оправдания. Он то ссылался на работу, важные дела в городе или просто говорил, что устал. Если следовать плану мастера, они начнут искать его судьбу не раньше того срока, когда сам Альтер покроется сединой, а Лука... Луке уже ничего не останется, как только подвязать фартук и перенять дело своего воспитателя.

– В этот раз я исполню свое обещание, – уверенно пообещал мужчина, заметив недоверие в глазах воспитанника.

Лука кивнул. Альтер улыбнулся, пожелал мальчику при-

ятных сновидений и с чувством выполненного отеческого долга принялся весело насвистывать простенькую, старинную мелодию.

Нужно было привести лавку в порядок, проверить выполненные заказы, сверить потраченные ингредиенты... Коротче говоря, тема путешествий была забыта подобно вечерней сказке, мысли текли в привычном обыденном русле и никакие карты не могли заставить его забыть о пончиках, пирожных, тортах и прочих сладостях.

«И непременно сообщить Тиму о необходимости приобрести еще десять пачек золотой и серебряной пыльцы. Вот только серебряная заканчивается быстрее... а золотая стоит дешевле...» – Альтер едва не споткнулся о предпоследнюю ступеньку. Настолько задумчив он был.

Лука же оставался молча сидеть в своей небольшой комнатке. Он недовольно поморщился и погасил лампу, подвешенную в углу. Яркий свет мешал ему думать.

Возможно, мастер прав и не стоит торопиться с этим путешествием. Столько лет карта находилась у торговца всем на свете. А, что, если подождать немного? Собраться в дорогу, как следует, дожждаться Альтера?

Однако, юное сердечко жаждало приключений и не давало голосу разума вставить ни словечка. Отчаянный шепот внутри подсказывал, что отправляться в дорогу нужно было прямо сейчас.

Лука воровато оглянулся, словно боялся, что его мысли

могут прочитать. Надоедливый комар все время жужжал над ухом. Мальчик попытался прихлопнуть его, но тот ловко увернулся, мазнул ему по носу и был таков!

– Не очень-то и хотелось тебя ловить, – он откинул крышку старого рыжего сундука и принялся перебирать вещи. Коих, впрочем, у него имелось не так уж и много.

На темные ночные облака ложились громадного размера тучи. Ночь грозно нависла над Серостью.

***

Джонас старался не смотреть на кучера, который то и дело воровато пускал на него обеспокоенный сочувствующий взгляд. Подумать только, совсем недавно он, Джонас, издевался над крестьянскими сиротами, насмехался и демонстративно презирал их. Теперь «принц» с отчаянием тербил покрасневшие пальцы и кусал губы, только бы не разреваться во весь голос. К тартару смех, к тартару жалость... Его родители, видит Владыка, не заслужили подобной участи! Каждое воскресенье мать посещала церковь, раздавала непомерные подаяния нищим, лично готовила беднякам праздничные обеды. Отец же никогда не упрекал своих лоботрясов-братьев, которые то и дело выуживали из него деньги и тратили на азартные игры, девиц и бесконечные дорогие гулянки. И чем же его родители заслужили подобную участь?

Ох, лучше бы и Джонас оказался рядом с ними. По крайней мере, не пришлось бы сейчас чувствовать себя столь

жалко. Встретил бы смерть с достоинством и гордо поднятой головой.

Жалея себя, Джонас уже успел искусать свои полные губы до крови, изгрыз ноготь указательного пальца и заработал синяк, со всей злостью пнув сиденье напротив. Оказалось, что оно не такое уж и мягкое, как утверждал дизайнер шикарного салона кареты.

В конце концов, он просто сдался. То ли все слезы закончились и силы иссякли, то ли простое понимание бессмысленности всей меланхолии привело его в чувства, но в следующее мгновение на него нахлынуло резкое, ледяное спокойствие. Словно маленький костер погасили ушатом ледяной воды. В мыслях его созрела твердая решимость во что бы то ни стало получить эту Карту Жизни. Если артефакт и правда существует, то он обязательно найдет его и узнает, кто из ныне живущих на земле посмел поступить так с родителями. Убийца поплатится за содеянное.

Джонас с силой сжал кулаки.

Эта непоколебимая решимость подняла дух и дышать стало чуть легче. В воздухе витал запах сырости.

Они уже приближались к границе, за которой простирался Темный Лес, когда внезапно ночную тишину оглушил глухой звук, подозрительно похожий на выстрел. Кони громко заржали, карету тряхнуло, и они остановились. Джонас почувствовал, что по спине его пробежал целый табун мурашек. Он сглотнул и внимательно прислушался. За окном

невозможно было различить ничего, кроме мрачно возвышающихся по бокам деревьев, да темного пространства вокруг.

Дверца кареты резко распахнулась, и он увидел Фера. Губы того беспомощно шевелились, будто он пытался сказать что-то, но выходило лишь несвязное шипение и тихое, едва различимое мычание.

– Что? Фер, говори яснее! Это разбойники? Поэтому мы остановились? – молодой человек поправил воротник джинджер и осекся. Только сейчас он заметил огромное, быстро расплывающееся багровое пятно на животе своего слуги.

Кучер с силой прижимал ладонь к ране, но, разумеется, это несколько не помогало. Жидкость продолжала сочиться, словно вишневый сок, орошала землю и чистенький бархатный салон кареты.

Джонас с ужасом воззрился на раненого. Никогда в своей жизни он не видел столько крови. Владыка, даже колени никогда себе не обдирал!

– Джонас, убегай! – захрипел мужчина, собравшись, наконец, с силами. – Просто бери вещи и беги так быстро, как только можешь! Они не рискнут... – он с трудом перевел дыхание, – идти в Тёмный Лес. Кишка тонка... – с этими словами кучер громко выдохнул и опустился на землю. Грудь его тяжело вздымалась.

Джонас подскочил к нему и застыл на месте. Он не знал, что следовало делать в таких случаях. Перевязать рану? Да,

разве теперь это поможет? Пулю нужно было вытащить. Слишком много крови. Позвать на помощь? Бессмысленно. До ближайшего дома часа два, не меньше. За это время Фер, так или иначе, отправится в Подземный мир.

Где-то совсем близко прогремел новый выстрел. А то, что это был именно он, Джонас теперь не сомневался. Для разбойников такого рода преследование было чересчур рискованным и открытым. А эти люди казались одержимы определенной целью. *Мишенью*. И имя ей было – Джонас.

– Уходи же... – прохрипел Фер. – Беги, мальчик! Ты мне все равно не сможешь мне помочь. Пусть Владыка тебя защитит... – тут рот его скривился, взгляд приобрел весеннюю туманность. Голова откинулась в сторону. Теперь он смотрел на одну-единственную точку. Там, в темном, расчерченном золотыми звездами небе, пролетала диковинная птица. Джонас всхлипнул и прикрыл мужчине глаза.

– Прощай, Фер. И спасибо тебе, – шепнул он, быстро поднялся и прихватил сумку.

Джонас хотел было сбросить с себя шубу, но передумал. Озноб не проходил. Наоборот, с каждой следующей секундой лишь усиливался.

Несмотря на то, что с детства он слышал ужасные истории о Темном Лесе, и каждый раз, внимая зловещим рассказам об этом месте, страх сковывал все его существо, сейчас раскрытая пасть черной чащи казалась ему единственным возможным спасением. Ему казалось, что он уже слышит поза-

ди себя размеренные, неторопливые шаги наемника, легкий свист и мерзкий шепоток: «Я иду за тобой».

Хуже всего было осознавать: теперь он вряд ли когда-нибудь вернётся сюда и посмотрит в лицо негодяю. Ему ужасно хотелось выстрелить, отомстить этому ужасному человеку. Однако, сейчас у него не было ни револьвера, ни магического артефакта.

Впервые Джонас ощутил себя настолько беззащитно. Сейчас он мог позавидовать даже комару, который назойливо кружил вокруг него. По крайней мере, за этим существом не гонялся профессиональный убийца.

– Тебе все равно, чью кровь пить, старина, – ухмыльнулся он, вытер невидимые слезы рукавом истрепанного меха и поковылял прямо в чашу, которая издевательски распахнула перед ним свои негостеприимные, бездонные объятия.

Когда сзади едва слышно прошелестела листва, он подумал, что задел головой ветку разросшегося дерева. Мгновение спустя Джонас понял, насколько ошибался. Маленький топорик торчал из земли в нескольких сантиметрах от его ног.

– Ты думаешь, я пушу в твое тело пулю, маленький принц? Иди сюда, не бойся, у меня было другой приказ относительно тебя, пугливый ты заяц! – хриплый смех заставил подняться из глубины души волны страха и гнева. Однако, первое чувство все же пересилило второе.

Что мог сделать он, Джонас, с наемником, у которого в

одной руке – револьвер, а в другой – наточенный, огромный топор?

Он на секунду повернул голову и успел заметить лишь плавно перетекающую тень между кустов. Она двигалась слишком хаотично, резко, но вместе с тем в правильном направлении. Прямохонько туда, где сейчас застыл, широко распахнув глаза, Джонас.

Он сглотнул, а затем развернулся и бросился бежать. Дороги было не разобрать: все сливалось в единое темное пятно. Чудом ни разу не споткнулся, не налетел на густые раскидистые ветки, которые здесь, разумеется, некому было подрезать. Мир превратился в калейдоскоп страшного сновидения. Сердце громко билось в груди и, казалось, вот-вот из нее выскочит!

Деревья, деревья... сплошные деревья проносились мимо него, ноги утопали в болотистой грязи.

Когда дыхание сбилось, а легкие обожгло нестерпимым жаром, Джонас застонал и привалился к огромному раскидистому стволу. Он огляделся и понял, что оказался в Темном Лесу. Наемника не было видно. Видимо, ему все же удалось оторваться или тот не рискнул вступить за черту.

Джонас тяжело опустился на траву. Голова гудела, ноги ужасно разболелись от быстрого бега. Что делать дальше, он не представлял. Все, что у него было с собой – это кольцо и... он пошарил в кармане шубы и выудил мятую пачку шоколада.

– Вот это да! – усмехнулся он. – Эдак и пир не нужен...

Быстрым движением разорвал упаковку и с наслаждением откусил кусочек молочного шоколада, который уже успел порядком растаять и растечься по бумаге.

Позже, правда, он пожалел, что накиннулся на сладость. Воды у него с собой не было. Горло неприятно жгло.

А потом его настигло внезапное понимание того, что он, должно быть, заблудился. Джонас сидел один на небольшой полянке, в окружении кучи деревьев и лесных обитателей, которые с любопытством оглядывали незадачливого путника. Многие, из которых, кстати говоря, были бы не прочь использовать его многострадальную тушку в качестве ужина.

– Что же делать?.. – спросил он у глупо тарасившейся на него совы. Та демонстративно отвернулась от него, подставив на обозрение свой светлый облезлый зад. – И я не знаю, – вздохнул парень обреченно. – Докатился, болтаю с совами, комарами... Что дальше? А дальше падать некуда.

Оказалось, в своих суждениях он глубоко ошибался. Джонас понял, что сегодняшним ужасам конец еще не пришел, когда скрипнули пару сухих веток и между деревьев показалась знакомая вихрастая макушка.

– Эй, ты! Заблудился что ли? – послышался нахальный мальчишеский голос.

Джонас ошарашенно уставился на мальчишку. Быть такого не может! Ну, это уже ни в какие рамки, правда. Неужели он все-таки сошел с ума?

Мальчишка из лавки. Смотрит на него со своей наглой широкой ухмылочкой, издевается. А не знаком ли этот обворванец с наемником? Кто знает, возможно, тот специально послал шута следить за Джономасом. Например, заплатил пару золотых, чтобы самому не лезть в Темнолесье. За подобную мелочь мальчишка и отца родного продаст. Все нищebroды одинаковые.

– Ну, конечно! Мечтай, мальчик, – наконец, соизволил ответить ему Джонас. – Я просто гуляю, размышляю о жизни...

Нелепость данного ответа позабавила бы любого, в том числе и самого Джонаса, не окажись он в таком плачевном положении. Конечно, прозвучало это нисколько не смешно, а, скорее жалко и убого. Картину дополняли красные глаза, распухшее от слез лицо и грязь на одежде.

Лука покачал головой, но, к его удивлению, ничего так и не сказал. Казалось, тот готов прямо сейчас развернуться и, как ни в чем ни бывало, отправиться дальше по своим делам. Мальчишка пребывал в отвратительно прекрасном расположении духа, был одет, пусть и небогато, но чистенько и аккуратно.

– А ты, что здесь забыл? – решил перевести стрелки Джонас. – Обворовать меня решил?

Лука рассмеялся.

– Глупость какая! – внезапно Джонас вспомнил про кольцо и будто случайно перевел на него взгляд. Зеленое, как свежескошенная трава. – Я иду к своим родственникам, нужно

передать кое-что важное, мастер просил. Тем более, они так меня приглашали! Тетушка души во мне не чаёт. Невежливо отказываться. Останусь там на какое-то время, может, и на работу устроюсь, – мальчишка состроил мечтательное выражение. Джонас снова взглянул на кольцо. Синий. Врёт. Но эта ложь, по крайней мере, не таила опасности. Однако, проучить мальчика очень хотелось. Тем более, причина, по которой мальчишка сбежал из дома и прогуливается посреди Темного Леса, лежала на самой поверхности.

– Ты обманываешь. Не к тётке ты идёшь, – прочеканил он. – Решил за Картой поохотиться? – спросил парень, высокомерно глядя на побледневшего мальчугана и тут же понял, что попал в точку. Однако, несмотря на видимое удивление, мальчик быстро взял себя в руки и снова натянул на себя привычную маску джокера.

– А, если и так? Боишься, что доберусь до неё первый? А, белоручка? Тебе-то она зачем?

Джонас только усмехнулся, проигнорировав колкое замечание наглого мальчишки. В конце концов, подмастерье не представлял собой угрозу вселенского масштаба. Никто не знает, что может ожидать его в Темном Лесу. А этот Лука, стоило все же признать, выглядел уверенным и, казалось, знал об этом месте, так или иначе, больше самого Джонаса.

Поднявшись, он поправил сначала волосы, потом одежду и высокомерно глянул на мальчугана сверху-вниз. Это не составило особенного труда, потому как Лука был ниже его по

крайней мере на целую голову.

– Я не хочу, чтобы ты раздражал меня своим присутствием, подмастерье, – произнес парень, направившись прямо к разверзшейся перед ним темной пасти чащи. Он не мог первым пойти навстречу и предложить мальчишке продолжить путешествие вместе. Это было бы слишком... *унизительно?*

Джонас, тем не менее, с каждым новым шагом чувствовал, что готов развернуться и начать умолять мальчика не оставлять его одного, посреди опасного леса, полного хищников и прочего ужаса. Колени начали заметно подрагивать. Страх полностью захватил его разум, а гордость готова была помахать на прощание ручкой.

И вот, когда Джонас готов был уже сдаться и произнести унизительную для себя речь, мальчишка издал странный звук, напоминавший хрюканье:

– Посмотрите на него! Богатенький парень, эй, тебе не обязательно сегодня умирать! Героизм тебе не к лицу. У меня есть деловое предложение. Готов поспорить, что ты не сможешь от него отказаться! Ну, я бы на твоём месте точно согласился. А учитывая тот факт, что я, вообще говоря, весьма одарен мозгами, ну, в отличие от многих... и нет, это не намек... – не переставал весело тараторить Лука, – ты бы мог поступить так же.

Джонас с удовольствием притормозил и благодарно улыбнулся Подземному Миру [3]. Все же Владыка решил хоть немного над ним сжалиться и спас от позорного падения.

Он быстро развернулся к мальчишке и одарил его нарочито презрительным взглядом, полным отвращения и высокомерия.

– Что ты можешь мне предложить, подмастерье? – он приклонился к широкому стволу дерева и усмехнулся.

Лука картинно закатил глаза, насмешливо поклонился и неуклюже завертелся на одной ножке.

– О, Ваше Величество, я не отниму много времени, обещаю. Всего три минуты, а затем Вы вольны делать все, что вздумается – закончить свою жизнь в руках талантливых ведьм, красавиц русалок или просто веселых, задорных ребят – разбойников! Что же, это весьма достойный конец для такого господина, как Вы! – Лука шустро запрыгнул на ближайших пенек и радостно поглядел на хмурое, посеревшее лицо своего собеседника. – Но все же я предлагаю Вам второй вариант! А именно, сделку, мистер Выскочка! – он ловко спрыгнул со своего импровизированного пьедестала и оказался нос носу с Джонасом. Голос его резко преобразился. Появилась несвойственная мальчишке серьезность. – У меня есть план Темного Леса, – снова заговорил мальчик так быстро, что он боялся упустить суть слов. – Их не так много и сомневаюсь, что у тебя есть такая же, богатенький мальчик. Не знаю, зачем тебе понадобилась Карта Жизни, но сейчас перед нами стоит другая задача – выбраться из этого жуткого местечка. Как только пересечем Темнолесье, каждый пойдет своей дорогой, – мальчик заметил недоверчивый взгляд

Джонаса и фыркнул, – боюсь, без этого клочка пергамента, – он ловко выхватил из-за пазухи пожелтевший лист, – ты далеко не убежишь... и даже не доковыляешь, богатый мальчик.

Джонас скрестил руки на груди и подозрительно взглянул на мальчишку, потом на карту. И снова перевел взгляд на первого. Что-то здесь не сходилось. Кольцо оставалось бесцветным. Темные грани будто зашипели.

– Что ты хочешь от меня? – потребовал он. – Зачем нужен я, если в руках у тебя вещь, способная вывести любого человека из Темнолесья?

– Ну, во-первых, в мои планы не входила смертная скука, – Лука наклонил голову, будто обдумывал нечто действительно очень серьезное. – А ты, несмотря на глупое и заносчивое поведение кажешься довольно... забавным, – он хохотнул, когда с удовольствием отметил появившиеся красные пятна на лице едва сдерживающегося от злости Джонаса. Ему хотелось схватить мальчишку и надавать ему как следует! Но тот в таком случае сбежит от него и прихватит с собой карту. А без нее выбраться из леса, даже при самом огромном везении будет практически невозможно. – Ну, а во-вторых... – продолжил мальчишка, – я знаю, что у тебя на пальце единственный в своем роде магический предмет – Кольцо Лжецов. Учитывая хм... своеобразный характер жителей леса, оно нам пригодится!

– Артефакт... – произнес он, скорее, не задумываясь. Он

не любил, когда вещи называли окольным, описательным путем. Если есть название, то почему бы не использовать его?

– АртефЕкт, – с умным видом повторил за ним мальчишка.

– Артефакт, вообще-то, – с ноткой раздражения поправил его Джонас. – Первый раз слышишь это слово? – он устало потер глаза. Больше всего на свете хотелось спать. Даже жажда отступила на второй план.

– Да, что я, совсем что ли? – состроил обиженную мордашку Лука. – Не знаю, что такое артефЭкт?

Джонас махнул на него рукой и принялся оглядываться, в поисках подходящего места, где можно было бы заночевать.

– Ну, так что, богатый мальчик? Ты согласен?

Назойливый веселый голос не давал сосредоточиться и, подобно мелкому комару, жужжал над головой. Короткие, быстрые движения наполняли сознание туманом. Джонас чувствовал, что его постепенно начинает клонить в сон.

– Я буду ночевать здесь, – произнес он, наконец.

Мальчишка все понял и просиял. Джонас даже поморщился. Надо же, ему меньше всего хотелось быть поводом для радости этого оборванца.

Тот, тем временем, снова ловко запрыгнул на свой излюбленный пенек и оказался прямо перед его носом. Теперь они были одного роста.

– Лука, – он протянул вперед свою перепачканную то ли сажей, то ли грязью ладошку. Джонас окинул его кислым

взглядом и отвернулся. Если Джонас и согласился пересечь с этим бедолагой Темнолесье, это еще не значит, что он готов опуститься до дружбы с таким неудачником. Хотя... кто здесь неудачник? Он невесело усмехнулся своим мыслям.

– Джонас. Не «богатенький мальчик», не «принц», не «белоручка», – произнес, перечисляя услышанные ранее прозвища. – Очень неприятно познакомиться, – и прошел вперед, при этом намеренно двинув мальчишку плечом.

Лука, кажется, и вовсе не собирался хоть на минуту оставить Джонаса наедине со своими мыслями. Напротив, мальчишка только фыркнул и, словно собачка, разве что хвостиком не вилявшая, последовал за ним.

– Не думал, что ты такой обидчивый, – весело воскликнул он. – Хорошо, отныне буду звать тебя Джо. А что, забавное имя, – и тут же поправил себя, когда Джонас ускорил шаг, – в смысле, красиво звучит. Я читал, что так звали одноглазого пирата... ой... ну, он не родился одноглазым, чтоб ты знал, – он рассмеялся своей собственной шутке. – Бедняга сражался за свой экипаж, судно! Вот и лишился глаза. Одноглазый Джо всегда заботился о членах своей команды. Думаю, имена откладывают отпечаток на человека, – такую чушь Джонас никогда в своей жизни не слышал и не стал бы терпеть ни при каких обстоятельствах. В другой раз он бы громко расхохотался и приказал мальцу заткнуться. Но здесь, в окружении немых растений, затаившихся в ночном сумраке жителей леса, он ощущал себя менее уверенно. Да, чего уж там,

маленьким несмышлёным ребенком, который готов был терпеть этот ужас позади него. Мальчишка все никак не замолкал... казалось, будто у него где-то встроены специальный моторчик. Интересно, он вообще когда-нибудь отдыхает? Ест? Спит? – Во-от. Я вообще очень начитанный. Люблю приключения, романы. Про пиратов обожаю читать, – продолжала вещать заведенная кукла.

Приятный, вызывающий радостные воспоминания звук, радостным журчанием отдавался в ушах и переливался ночным колокольчиком.

– Вода! – радостно заорал Джонас. – Владыка, спасибо!

Когда губ коснулась живительная влага, он позволил себе прикрыть глаза и откинуться на мягкую траву, которая раскинулась под ним, подобно самому дорогому шелковому ковру.

– А я знал, что где-то здесь течет ручей! Или даже целое озеро! – и даже этот навязчивый мальчишка уже не раздражал своим присутствием. То есть, раздражал, конечно, но все это ушло на второй план, стоило ему удобно расположиться на берегу зеркального озера.

Джонас устало выдохнул и поглядел вверх, где гигантским иссиня-черным покрывалом раскинулось сказочное звездное небо.

Как бы он хотел проснуться завтра в своей мягкой огромной кровати и посмеяться вместе со своими друзьями над этим кошмарным и нелепым сном. Да, что там думать! Ско-

рее всего, это и есть морок. Как, помнится, рассказывал учитель, сновидения – это сгустки беспокойства и мыслей, любопытства и страха. Недавно они с Андреа обсуждали мрачную тайну Темнолесья и что может скрывать во мраке ночной тишины. Какие только мысли не приходили им в головы! И все обязательно нужно было озвучивать. Какие только страхи они не рассказывали друг другу и все это, должно быть, вылилось в кошмарный сон. А Морфей здорово поиздевался над ним. Мог бы и предупредить. Надо обязательно поблагодарить с утра повелителя сновидений и повесить над кроватью заговоренную ловушку сновидений.

Мальчишка продолжал болтать что-то о прочитанных им книжонках, наверху ухали совы, стрекотали кузнечики, светлячки освещали кувшинки, которые причудливыми крошечными островками расположились на берегу озера.

Веки Джонаса затрепетали и глаза закрылись. Его уносило в царство Морфея. Он с удовольствием запрыгнул в прохладные объятия фиолетового тумана, сверкавшего яркими звездами.

Он уже не слышал громкого зевания мальчишки, который свернулся калачиком, чтобы хоть как-то согреться и отдалиться от ночной прохлады и сумрака. Не почувствовал Джонас даже тонких пальцев, которые стянули с него джинджер. Мальчик укрыл их обоих теплым мехом и прикрыл глаза. На правой щеке того застыла крошечная одинокая слезинка.

***

Изнуренные путники тонули в беспробудном сне. Джонас спал, подперев рукой щеку, а Лука удобно устроил голову на мягкой шкуре джинджер. Дыхание их звучало в унисон. Кузнечики стрекотали, а совы уже давно улетели вглубь леса, им очень хотелось первыми передать послание: «Люди здесь! В Темнолесье гости!»

Водная гладь зарябила, появились круги и на поверхность всплыло несколько пузырьков. С громким бульканьем из воды поднялась девушка. Вьющиеся золотистые волосы прикрывали прекрасный лик создания. Тонкие ручки с длинными пальцами отбросили с лица волосы, а затем ловким движением зацепили и вытащили из спутанных прядей зеленую склизкую водоросль.

У создания была симпатичная девичья мордашка и тонкая белоснежная шейка. Большие, блестящие глаза оглядели берег. Синева наполнилась теплым блеском, когда взгляд наткнулся на двух беспечно спавших у берега путников.

– Ух ты! – произнесла она синеватыми губами и решительно двинулась вперед. – Кого это к нам занесло?..

Она приблизилась к самому берегу и внимательно оглядела неожиданных гостей. Один из них, совсем еще мальчишка, смешно морщил носик во сне, на устах его застыла легкая улыбка. Синеватые губы создания растянулись в подобие такой же улыбки. Да, это можно было бы назвать улыбкой, но

глаза ее оставались по-прежнему пустыми и льдистыми.

Человеческий мальчик казался очень интересным. Но особое внимание ее привлек второй путник. Во сне он то и дело дергался и вздрагивал. Именно его стон и захватил ее внимание, вытащил из самой глубины морского царства. Этот человек страдал. Он хотел, чтобы его вытащили из кошмара, спасли и отбросили те оковы, коими сжимали горло, сдерживали от шага назад... в самую глубину.

Создание улыбнулось. В воде мелькнул блестящий чешуйчатый хвост, который при свете луны переливался всеми цветами радуги. Правда, радуга была льдистой и холодной. Она игриво поиграла плавниками и протащила свое тело на берег.

Холодный мертвый воздух очертил фигурку молодого человека. Сначала парень задергался, а потом, когда создание опустилось рядом с ним, коснулось своей ледяной ладошкой горячего лба, внезапно успокоился. Дыхание стало ровным, тихим.

– Тшш, – зашептала она и погладила по волосам. – Я все чувствую. Знаю, – говорила она и не говорила одновременно. Ее голос напоминал шуршание камышей, в нем отсутствовала четкость и смысл. Можно было лишь на самой грани сознания ощутить ее слова, услышать мелодию волн и ветра. Все разбивалось о невидимые обломки кораблей, становилось смутным и непонятным, терялось и снова находилось. – Ты уже не здесь... со мной... навсегда... – стук сердца за-

медлялся, а дыхание превращалось в редкие облачка холодного дыма.

– ОТОЙДИ ОТ НЕГО! – зашипели сбоку, прямо из глубины леса.

Создание испуганно отшатнулось от своей жертвы и огляделось. Голос казался знакомым и незнакомым одновременно. А был ли он вообще?

– ОТОЙДИ ОТ НЕГО. ТЫ ЧТО, НЕ СЛЫШАЛА, ОЗЕРНАЯ ТВАРЬ? – голос продолжал звучать подобно раскати-стому грому.

Создание испуганно сжалось и бросилось обратно домой, на самое дно.

Спустя мгновение воцарилась глубокая тишина.

Джонас поежился и обиженно чмокнул губами. Мальчик рядом недовольно поморщился и ткнул его локтем.

Все вдруг стало обыденно и чересчур *неволищбно*.

Примечания:

1. Amor fati – употр. в знач. «фатальная предопределённость всего сущего»

2. Fortes fortuna adjuvat [2] – в перев. Смелым помогает судьба. Цицерон, «Тускуланские беседы»: Fortes non modo fortuna adjuvat, ut est in vetere proverbio, sed multo magis ratio. «Храбрым помогает не только судьба, как поучает старинная поговорка, но гораздо более – разумное суждение».

3. В описываемом Автором мире души усопших, по мнению жителей Бриллиантового королевства, попадали прямо-

ком в Подземный Мир, которым управлял Великий Владыка. Имени его не упоминается ни в одном из существующих источников. Но известно, что Владыка так же повелевает и земными созданиями при их жизни, при необходимости вмешивается в судьбы людей.

Глава 3

. В чашу ночью не ходи!

Раз, два, три, четыре, пять!

Я иду тебя искать!

Раз, два, три, четыре, пять,

Кто-то снова будет ждать,

Раз, два, пригнись, стрела летит к тебе!

Три, четыре, лето снова будто здесь,

Пять – нам с тобою снова вместе куковать!

(детская считалка, популярная в Бриллиантовом Королевстве)

С самого раннего утра было ясно. Луке пришлось битый час потратить на то, чтобы разбудить капризулю. Тот брыкался, стонал, вырывался... словом, вел себя соответственно мерзкому характеру.

Они шли уже два часа, однако, кроме бесконечно тянущейся тропинки и густых крон деревьев ничего не проглядывалось. Лука и сам толком не мог объяснить, чего ожидает увидеть. Дом? Возможно, приветливых и добрых людей, которые согласятся приютить у себя незадачливых путников. Или целую деревню? О, это было бы замечательно!

Джонас то и дело чертыхался, дергался от резких звуков и цеплялся своей шикарной шубой о колючки. Толку от него

было мало. Однако, вел он себя так, словно одним своим присутствием оказывал Луке неоценимую услугу.

Лука шел впереди, время от времени поглядывал на карту и незаметно посмеивался над богатеньким мальчиком. Джонас оказался чересчур обидчивым и капризным молодым человеком. Например, он с легкостью мог все бросить и гордой походочкой отправиться со своим АртефЕктом в самую чащу леса, откуда, разумеется, никогда не вернулся бы.

Лука жалел, что ему не достался Клинок или Алекс. Они хотя бы умели неплохо охотиться, Клинок вообще однажды целых пять тушек зайцев приволок. А от этого белоручки какой прок? Правда, слух неплохой, сон чуткий... словно пугливый пес.

Мальчик снова заглянул в карту.

Днем Темнолесье не выглядело столь пугающе. Щебетали птички, разноцветные симпатичные бабочки кружили вокруг, так, будто приглашали потанцевать вместе с ними, мошки сбивались в стаю, назойливо жужжали над ухом мухи и комары.

Внезапно приятную атмосферу нарушил громкий угрожающий рык за спиной. Джонас встрепенулся и заорал:

– Это волки, это тот самый Снежный, о котором бабки рассказывают! Это он! Нужно бежать!!!

– Ты уверен? – произнес Лука с сомнением. – Я о таком никогда не слышал. Конечно, рассказывали о каком-то бело-снежном монстре. Но я не думаю, что все рассказы правди-

вы, хотя, нужно признать, некоторые из них не лишены логики. И учитывая... – он обернулся, чтобы подбодрить пугливого спутника, но наткнулся лишь на безмолвно скалящегося зверя. Морда животного напоминала собачью, но на голове у него было целых четыре уха, а на морде – два носа. Отвратительное создание скалилось и пускало слюни.

– Эй! Послушай, все в порядке, – руки тряслись. – Я не причиню тебе вред, – прошептал он, улыбаясь. – Песик, ты же хороший песик? – спросил он севшим и хриплым от страха голосом. – Эй, я не враг тебе. Поэтому просто пройду мимо, хорошо? – «Песик», похоже, не был с ним солидарен и другом не посчитал. Огромная пасть раскрылась и на землю вылилась желтовато-зеленая слизь. По всей видимости, в слюне магического зверя содержался яд.

Лука затаил дыхание. Зверь громко и совсем недружелюбно шаркнул лапой. Рядом послышался треск веток. Наверняка Джонас где-то прячется. Трус. Разумеется, стоило ли ожидать от него другого? При первой же опасности сбежал и бросил его на съедение зубастой твари. А сейчас скрывается в своем укрытии и с нетерпением ожидает, пока от Луки останутся лишь кожа, да обглоданные кости. Потом схватит карту и убежит.

Стало до ужаса обидно. Лука посмотрел на карту и принял решение. Если ему суждено умереть здесь и сейчас, пускай. Возможно, это и есть его глупая, бесполезная судьба. Но богатенькому отпрыску он ничего не оставит. Уж лучше

разорвет к чертям собачьим эту многострадальную карту!

Он уже взялся было за пожелтевшие края, как вдруг животное впереди него заскулило, посмотрело на него обиженным взглядом внезапно преданного друга и завалилось набок.

Лука в изумлении распахнул глаза и застыл. Этого не могло быть!

– Спасибо, Владыка! – прошептал он, прикрыв глаза.

– Здорово, что ты обо мне такого мнения! – Джонас держал в руке огромный булыжник, на котором отчетливо виднелась красная жидкость. Он победно разминал шею и надменно скалился.

– Это ты его... так? – неверующе уставился на него.

– Обернись вокруг! Кто же еще?!

Оставалось только покрутить пальцем у виска. Произошедшее имело крайне странный характер и никак не вписывалось в созданный образ Джонаса. Богатенький мальчик умел защищаться?

Вышеупомянутый «мальчик» самодовольно усмехнулся и повернулся, чтобы продолжить путь дальше. Раздался треск и громкое ойканье. Оказалось, что порядком потрепанная, но оттого не менее прекрасная, шкурка джинджер зацепилась за торчащую ветку, а сам хозяин с размаху приземлился на грязную траву.

– Черт, – прошипел он, потирая ушибленную спину.

– Давай помогу, – с готовностью подбежал к нему Лука

и протянул руку. Тот чуть поколебался, но все же принял помощь.

Джонас недовольно отряхнул одежду и с ужасом оглядел джинджер.

– Я бы мог помочь, – неуверенно пискнул Лука.

– Ей уже ничем не поможешь, – процедил парень сквозь зубы.

– Я взял с собой иголку и нитки. Думаю, можно попробовать, – предложил он. Джонас лишь недоверчиво выгнул бровь и молча кинул ему заляпанную в грязи шубу.

– Спасибо, что не оставил меня одного с этим зверюгой, – наконец выдавил из себя Лука.

Джонас ничего не ответил. И даже не усмехнулся в своей излюбленной манере. За это он был ему очень благодарен.

***

– Вообще говоря, это был не волк.

Спустя некоторое время их пути Лука снова был весел. Болтал, подпрыгивал, тряс кустики, выглядывал бельчат и просто наслаждался сказочной природой. Джонас обзавелся длинной палкой, напоминавшей посох. Он шел впереди, размахивал ею во все стороны и, по его словам, проверял безопасность дороги впереди. Делал он это лихо, так, словно занимался подобным делом каждые выходные. Лука не считал, что выбранная тактика принесет им пользу, но помалкивал. В конце концов, занимать место палки ему не очень

хотелось.

– Ой, а много ли волков ты видел в своей коротенькой жизни? – Джонас обернулся к нему и едва не запнулся о свой чудесный посох. Однако, удержался и с остервенением ткнул им в землю.

Лука пожал плечами. Они остановились. Видимо, Джонас устал.

– Ни одного. Но за свою коротенькую жизнь все же успел узнать, что волки громко воют, а не рычат. Этот монстр – обыкновенная псина. Ладно, не совсем обыкновенная, – сдался он, глядя на поднятую бровь Джонаса. – У нас на ферме, ну, когда родители были еще живы, жил большущий рыжий пес. Весельчак. Он постоянно рычал на визитеров, только первый никогда не нападал. И этот бы, я уверен, тоже не укусил, – Лука широко улыбнулся.

Джонас покачал головой.

– Конечно. Поэтому у тебя, наверное, был такой вид, что ты вот-вот напустишь в штанишки. Разумеется, – чересчур серьезно кивнул Джонас, – я так и подумал.

Лука обиженно насупился и плюхнулся на траву. Он отвинтил бутылочку и хлебнул немного воды. Неизвестно, имелся ли поблизости еще один ручей или озеро. Нужно было экономить.

– А, что стало с этим псом? – он вздрогнул от неожиданности. – Фермерским... твоим псом, – пояснил Джонас, принимая предложенную бутылку из рук Луки. Обижаться он

любил. Пустая трата времени. Да, и здесь это было более чем бессмысленно. Поэтому мальчик просто ответил:

– Застрелил сосед. Видимо, Весельчак здорово его напугал, когда тот решился прогуляться ночью по нашим владениям в поисках спелых и сочных яблок, – Лука снова молча уткнулся в карту.

Джонас поджал губы о чем-то раздумывая.

– Я вот думаю... – наконец, нарушил молчание парень. – А не подделка ли твоя карта? Конечно, сам ты думаешь, что в руках у тебя единственный в своем роде оригинал, но на самом деле это может быть обыкновенное заблуждение. Я знаю, какие артефакты продают наивным покупателям на рынке. Тебе же ее там всучили? – поморщился Джонас. – «Бери, милоч, одна осталась, за бесценок отдаю», – он смешно передразнил одну из старушек, продававших совершенно бесполезные в обиходе вещи.

Лука закатил глаза. Его раздражала постоянная настороженность и подозрительность Джонаса. У него же было кольцо! Артефакт, который стоил, должно быть, немало состояния. Неужели до сих пор не понял, что Луку не так просто обмануть? Вот бы пригласить зарвавшегося щегла в игорный клуб и полностью обчистить. Долги сбивают спесь со всех.

«Неудивительно, что кольцо достало именно этому неженке. Он бы извел всех вокруг своим недоверием».

– Во-первых, карта Темнолесья не единственная в своем роде. И я не говорил, что это оригинал. Так, скорее всего,

качественная копия. Я за оригиналами и не гоняюсь. Куда нам беднякам! – Лука махнул рукой, с досадой наблюдая за расцветающей улыбкой Джонаса. – Во-вторых, я укр... одолжил эту карту у своего мастера, если тебе так интересно, – раздраженно прошипел мальчик, отмечая, что Джонас с удовольствием смотрит на свое дурацкое кольцо, которое осветилось ярким синим цветом, – и да, он не знает, что сейчас я нахожусь в Темном лесу, а компанию мне составляет на удивление избалованный и глупый богатенький сыночек, – он задрал голову, чтобы со злостью выплюнуть последнюю фразу. Кольцо загорелось зеленым.

– Интересно. Думаю, мастер тебя за это по головке точно не погладит. Лучше бы тебе действительно найти Карту Жизни. Но, – он широко развел руками, – это вряд ли. Потому что она уже занята.

– Это кем же?

– Мной, идиот! Но ты всегда можешь приобрести подделку. Не так ли? – издевательски подмигнул ему Джонас. – Вам, беднякам, не привыкать.

Парень с удовольствием растянул на траве свои длинные ноги в штанах из дорогой блестящей ткани и пошевелил ступней, разминая затекшие конечности.

Лука украдкой оглядел туфли Джонаса и с завистью вздохнул. Мягкая крокодилья кожа так и сверкала, купаясь в солнечных лучах. Его простенькие серые, покрытые грязью и пылью ботинки, примостившиеся рядом на таком же се-

ром безликом камне, смотрелись убого. Мальчик поспешил незаметно отодвинуться подальше.

Тут внимание его привлекла отброшенная в сторону карта. С краю от скрюченного пергамента тянулась чернильная змейка, которая медленно перетекла вверх, а затем, словно на секунду задумавшись, продолжила свой путь, очертила правильный круг и скрылась за желтоватым заломом. Лука приоткрыл рот в немом изумлении. Ему не так часто приходилось видеть волшебные артефакты, а то, что перед ним лежал оригинал, мальчик теперь нисколько не сомневался! Ибо магией обладали лишь первоначальные, заговоренные вещи. Даже самый могущественный волшебник не мог бы наложить заклятие на подделку, вещь, по своей сути вторичную, второсортную. Магия идеально ложилась лишь на безупречную поверхность. Об этом ему рассказал за очередным быстрым ужином мастер. Он вообще любил поговорить о магии.

Джонас заметил его радостную улыбку и подсел ближе.

– Что это ты так радуешься? – недовольно поинтересовался он. – Опять пакость какую задумал? Предупреждаю сразу, у меня сон очень чуткий. Если вздумаешь украсть артефакт, все кости поломаю! – угроза в его голосе напугала бы и самого грозного пирата.

– Карта! – ткнул пальцем в пергамент Лука. Он нетерпеливо раскрыл пожелтевший лист и победно улыбнулся. – Она обозначила новую точку. Видишь красную пометку?

Джонас выдернул магический предмет из рук младшего и внимательно осмотрел выделенную точку. Действительно, карта вела себя странно. Совсем как настоящий, первоначальный и... оригинальный предмет. Пространство осветилось блеклым, чуть заметным голубоватым свечением. Мелким и аккуратным курсивом высветилась фраза «*Три огонька*».

– Что это? – озадаченно прошептал Джонас. Обращался он, скорее, к самому себе нежели к своему невольному компаньону. Лука только глупо улыбался.

– Понятия не имею, – пожал он плечами. – Но, если в этом месте можно будет нормально поесть и переночевать, то нужно торопиться. В лесу ночь наступает гораздо быстрее. Даже с фонарем ничего невозможно разглядеть.

– Ну, если я не буду видеть твоей рожи, то не особенно расстроюсь, – ухмыльнулся Джонас.

– Ты меня, конечно, спас, но это не говорит о том, что я собираюсь вечно выслушивать твои глупые издевательства, богатенький мальчик, – яростно воскликнул он, пиная под ногами длинную толстую ветку. – Поверь, несмотря на то, что мне двенадцать, я могу здорово попортить твою мордашку! – Лука с силой сжал кулаки.

Джонас странно на него посмотрел. Кажется, тот действительно его испугался. Губы затряслись, лицо подозрительно исказилось и плечи задергались. А в следующую секунду Джонас разразился громким хохотом.

– О, Владыка! Так тебе всего двенадцать! С кем я вообще связался? – едва проговорил он сквозь смех.

Лука подумал, что после такого истеричного смеха у людей обычно болят животы и не стал ничего говорить в ответ. Он лишь всей душой захотел продлить припадок несносного богача.

Наконец, Джонас вдоволь нахрюкался и воцарилась привычная тишина. Лес с неммым укором взирал на них. Лука лишь пожал плечами. Он-то здесь причем? Во всем виноват богатей. Пусть с него и спрашивают.

– Ржешь ты как лошадь, – проворчал он.

– Чего? – недовольно отозвался Джонас.

– Ничего. Так мы идем?

Глядя на приклеенную насмешку белоручки, хотелось продолжить путь одному. О, это было бы замечательно! Зря он тогда предложил путешествовать вместе. Надо было бросить богатея там, посреди огромной лесной пасти. Темнота – лучший воспитатель капризных, избалованных детишек.

– Ладно, пошли, – на удивление легко согласился Джонас.

Лука твердо решил провести весь путь до обозначенной точки в гробовом молчании.

***

Невидимые колокола пробили три раза и замолчали. Выжженная трава заскулила и потянулась к водичке, о существовании которой здесь позабыли уже более полувека назад.

«Вода! Вода!» – шептала одинокая роза, раскинувшаяся прямо у тропинки.

Но ей так и не суждено было окунуться в живительную влагу. Потому что в этот самый миг жизнь цветка оборвалась. Толстые кривые пальцы неаккуратным, рваным движением выдернули розу из земли, смяли ароматные лепестки в ладони, тщательно протерли остатки несчастного растения и выкинули на дорогу.

Громкий свист наполнил пространство, варварски заглушив старательное пение птиц.

– ТЫ СДЕЛАЛ, ЧТО ТЕБЕ ВЕЛЕЛИ?

Тоненький хрупкий человечек низко склонил голову. Он старательно избегал колющего взгляда своего собеседника. Обноски на нем скорее напоминали постельное белье, наволочку, одеяло, все, что угодно, но не человеческую одежду.

– К-конечно. Как я мог послушаться Вас? – прошептал он.

– РАССКАЖИ, ЧТО ТЫ ВИДЕЛ. ГДЕ ОНИ. О ЧЕМ ГОВОРИЛИ И КУДА НАПРАВЛЯЮТСЯ.

Человечек сглотнул. Неведомая сила заставила его поднять свое сморщенное желтоватое лицо. Он старался не смотреть. Пусть в сторону. Или на бесцветное небо, или коричневую грязь под ногами. Только не прямо. Не в эти, горящие красным огнем глаза.

– Я видел... они пересекли озеро, обошли болота и... у них карта... та самая... *единственная*, – человечек нахмурился. – Я и сам удивился. Думал, мальчишке, тому, кото-

рый второй... – он шумно сглотнул и поежился. Становилось очень жарко. – Почему-то был уверен, что у него самая настоящая подделка. Коих на свете с десятков, не меньше. Он и сам в это верил, – поспешил заверить своего собеседника человек. Огонь обжег его горло. Но он лишь поморщился.

Глаза, о, эти глаза, которые каждую секунду проверяли, ощупывали его душу – вот, что по-настоящему внушало страх, заставляло покориться. Ему не нужно было стоять на коленях, это лишнее, внешний показатель готовности служить и быть верным своему хозяину. Он раб. И раб он отнюдь не своим немощным, высохшим телом. Служение его вечно, непоколебимо и неразруσιμο никакими проклятиями. Он раб душой.

– КУДА ОНИ СЕЙЧАС НАПРАВЛЯЮТСЯ?

– Карта обозначила точку, Ваша милость. «Три огонька».

Глаза напротив сузились в две щелочки. Красный полыхнул и превратился в желтый. Это хороший знак. Значит, огонь на время притих. Костер будет гореть долго. Если, конечно, не забросить туда поленья.

– ЭТО ХОРОШО... НУ, А ТЫ? СЧИТАЕШЬ СЕБЯ ВИНОВАТЫМ?

Человечек обреченно вздохнул и кивнул. Обманывать он тоже не мог.

– ТОГДА ТЫ ЗНАЕШЬ СВОЕ НАКАЗАНИЕ.

Человечек застонал и упал на землю. Что же, он сам это заслужил. Так подсказывала ему совесть. Его разум. Чув-

ства. Долг.

Цени раба.

Глава 4

, в которой путешественники сражаются с лесными обитателями и в конечном счете оказываются совсем не в том месте, куда рассчитывали попасть...

Когда сумерки их все-таки нагнали, Джонас уже не выглядел столь уверенным и развеселенным. У них не было еды, а воды осталось так мало, что можно было сделать лишь один-два глотка. Горло пересохло. Бутылка находилась в огромной сумке мальчишки, которая болталась у него на плече. Просить у него ничего не хотелось. Нужно было лишь немного подождать, но, похоже, Лука привык долго обходиться без воды (Джонас даже предположил, что, возможно, этим хитростям его научил мастер), потому как выглядел тот весьма бодро и от жажды явно не изнывал.

– У тебя есть спички? – не оборачиваясь спросил Лука.

– Я так похож на человека, который раскуривает сигары? – Джонас хмыкнул и подпрыгнул. От долгой ходьбы ноги ужасно разболелись.

– Когда собираешься провести неизвестно сколько времени в Темном лесу, спички становятся лучшими друзьями, – мальчишка покачал головой. – А вот я вроде и взял несколько, – рука его юрко проникла и принялась обыскивать спички внутри огромного пространства бывшей некогда зеленой, а ныне отливающим желтоватым оттенком, сумки.

Лицо мальчика просияло, когда он вытащил тонкую деревянную палочку. Держал он ее так, словно перед глазами была уменьшенная версия волшебной палочки. Лука схватил с земли небольшой камушек и чиркнул потемневшим концом о его поверхность. Вмиг пространство вокруг них преобразилось и осветилось неестественно ярким светом. Однако, позже, стоило глазам Джонаса привыкнуть к этому своеобразному свечению, сумрак снова обступил их со всех сторон. Маленькое пламя распространялось лишь на небольшое пространство. Луке приходилось вытягивать руку, чтобы увидеть, какие преграды скрывались впереди.

– Когда же мы, наконец, доберемся до этих чертовых Трех Огоньков? – раздраженно процедил Джонас, удобнее перехватывая джинджер.

Мальчишка, кстати говоря, так и не удосужился отремонтировать его шубу. Видимо, обещания бедняка действительно не стоят и гроша.

– Я ничего не вижу вокруг, – досадливо поморщился Лука. – Что будем делать? – тем не менее, он упрямо шел вперед. Впрочем, выбора у них все равно не было. Устроить ночлег посреди спутанных веток и колючек, которые острыми пиками торчали из земли, едва ли представлялось возможным.

– У тебя осталась вода? – сдался Джонас.

Мальчишка передал ему спичку и принялся долго рыться в бескрайних просторах страшной сумки. Наконец, спичка

осветила заветную фляжку. Джонас выхватил ее и припал губами к живительному источнику. Лишь одинокая капелька скатилась по горлу, задержалась в нем, словно дразнясь, и скатилась вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.